

Кайркелды Руспаев
Переворот

Драматургия

Кайркелды Руспаев
Переворот. Драматургия

«Издательские решения»

Руспаев К.

Переворот. Драматургия / К. Руспаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837800-3

В данный сборник вошли драматургические произведения разных жанров: трагедия, пародия, пьеса для детей, пьесы для музыкальных спектаклей и интермедии.

ISBN 978-5-44-837800-3

© Руспаев К.
© Издательские решения

Содержание

Пьесы	6
Переворот	6
Пролог	6
Действие первое	9
Действие второе	14
Действие третье	23
Действие четвертое	31
Действие пятое	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Переворот Драматургия

Кайркелды Руспаев

© Кайркелды Руспаев, 2017

ISBN 978-5-4483-7800-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пьесы

Переворот Трагедия

Действующие лица:

Шейх Абдурахман (Шейх) – лидер партии Аль Хизб.

Аскар – имам городской мечети.

Жамал – жена Аскара.

Берик – сын Аскара.

Гульнара – дочь Аскара.

Иван – ее жених.

Мария – мать Ивана.

Лариса – сестра Ивана.

Халел – сотрудник КНБ.

Кади – судья шариатского суда

Писарь, боевики Аль Хизб, палач и его подручные, подсудимые, свидетели, зрители суда шариата.

Заложники – узники стадиона.

Пролог

Городской парк. Уединенная скамья. Деревья облетают, под ногами палаая листва, то есть, на дворе осень. Иван прохаживается взад-вперед, с нетерпением поглядывает в направлении дорожки. Наконец, там появляется Лариса.

Иван. (разочарованно) Лариса... а где Гульнара?

Лариса. (озорничая и кривляясь) Она не придет.

Иван. Почему? Ты передала ей мою записку?

Лариса. Передала, передала! Но она сказала, что не придет.

Иван. Почему?

Лариса. (с размаху садится на скамью) Вот заладил – почему да почему! Ей некогда.

Иван. Некогда? Что она делает?

Лариса. Отдыхает.

Иван. Отдыхает?! Что значит – отдыхает?

Лариса. Отдыхает – значит отдыхает! Что – она не может отдохнуть?

Иван. Слушай, Ларис! Хорошо дурачиться. Скажи, что с ней?

Лариса. Кто это дурачиться? Она сказала, что не придет. И вообще...

Иван. Что – вообще? Она...

Гульнара. (появляясь из-за деревьев) Вообще-то она здесь!

Иван. (бросается к ней и, обняв, пытается поцеловать) Гульнара!

Гульнара. (улыбаясь, сопротивляется, уперев руки ему в грудь; Лариса заинтересованно смотрит на них) Тихо-тихо! Давай без поцелуев... и всяких там нежностей. (высвободившись из рук Ивана садится на скамью; Иван опускается рядом с выражением недовольства на лице) Мы здесь не одни.

Иван. Лариса, пойдй, погуляй. Или иди домой.

Лариса. Не хочу!

Иван. Ларис! Что я тебе сказал!

Лариса. (отодвигаясь) Не хочу!

Гульнара. Пусть сидит. Она нам не мешает.

Иван. (смотрит на сестру с неприязнью, потом поворачивается к Гульнаре) Знаешь, Гульнара... мне кажется...

Гульнара. Не надо делать такое трагичное лицо, Ваня. Ничего тебе не кажется, и вообще, тебе нужно успокоиться.

Иван. Как мне успокоиться! Как я могу быть спокоен, когда... когда...

Гульнара. Ну, договаривай.

Иван. Гульнара, мне все больше кажется, что у нас с тобой нет будущего. Что у нашей любви нет будущего.

Гульнара. (проводит ладонью по его вихрам, переглядывается с Ларисой; та корчит рожи за спиной брата) Почему это у нас нет будущего?

Иван. Ты поговорила с дядей Аскарком?

Гульнара. С папой? О чем?

Иван. О чем же еще! О нас с тобой.

Гульнара. Скажешь тоже! Как я могу об этом говорить с папой.

Иван. А с тетей Жамал?

Гульнара. А мама давно обо всем знает. Между нами нет секретов.

Иван. Да? И что? Она не против?

Гульнара. Как тебе сказать? Ты же знаешь, как они любят тебя. Но тут вопрос непростой. Тут вопрос, так сказать, щекотливый.

Иван. Щекотливый?

Гульнара. Ну, так мама выразилась. А все дело в том, что папа имам. И если его дочь выйдет замуж за... за... ну, за не мусульманина, то...

Иван. Нет, Гульнара! Тебе нужно было поговорить с дядей Аскарком. Я уверен – он не будет против нашей женитьбы. Ведь он всегда был веротерпимым. (замолкает, видя что Гульнара не слушает его, перемигиваясь с Ларисой) Нет, я сам с ним поговорю! Да, я сам с ним поговорю. Тем более, что он недавно говорил мне, что я уже вполне взрослый и должен принимать самостоятельные и ответственные решения.

Гульнара. Видишь ли, Вань, папа-то веро... (произносит это слово, испытывая некоторые затруднения) веро... терпимый, и возможно, он не будет против нашей женитьбы. Но мы должны подумать и о нем.

Иван. О нем? Что ты хочешь сказать?

Гульнара. Ну, как ты не поймешь! Ведь он имам! И его окружают люди, которые думают совсем не так, как он. И они не так терпимы к... к... ну, к иноверцам. Да, точное слово! Они не так терпимы к иноверцам, как папа. А ведь он должен считаться со своей общиной. Я знаю, что у них там возникли трения.

Иван. Трения? Как! Из-за нас с тобой?

Гульнара. Нет, из-за нас с мамой. Оказывается, некоторые аксакалы в окружении папы попрекают его тем, что мы с мамой не одеваемся, как положено мусульманкам. Папа говорил об этом с мамой, а она сказала, что не может ходить в школу в парандже.

Иван. Да-а... я не думал, что это так серьезно. И потом, наверное, тетя Жамал права. Нельзя же требовать от современной женщины, тем более, учительницы, чтобы она носила паранджу.

Гульнара. Ну, вообще-то речь не идет о парандже. Папа говорит, что мы могли хотя бы носить длинные платья и хиджаб. Мама говорит, что в принципе не против длинных подолов

и платков, но дело ведь в свободе личности. Если женщина носит хиджаб, то она должна делать это по убеждению, а не по принуждению. И я с ней полностью согласна. А папа... знаешь, мне его иногда жаль. Мне кажется, что он разрывается между обязательствами, которые накладывает на него его сан и реальной жизнью. Религия диктует одно, а жизнь другое.

Иван. Ну, хорошо, я в принципе не против, если ты будешь носить длинные платья. Пусть даже хиджаб. В конце концов, и мне не очень нравится, когда женщина ходит по улице полуголая. Но что мы будем делать, если дядя Аскар будет категорически против нашей женитьбы? Ты...

Гульнара. Нет, категорически против он не будет. Все же он не мракобес. Но... (улыбается) может быть, тебе нужно принять ислам?

Иван. (поворачивается к ней всем корпусом) Мне?! Принять ислам?!

Гульнара. Ну да. Чему ты так удивляешься? Папа говорит, что в их общине есть русский, мусульманин.

Иван. (после небольшой паузы) Нет, я ничего не имею против ислама. (оглянувшись на Ларису) Но ведь мы православные.

Гульнара. И что – ты такой уж верующий? Ходишь в церковь?

Иван. Нет... но...

Гульнара. Ваня, ты не подумай, что я на тебя давлю, что я ставлю условия. Просто я не хочу, чтобы из-за меня у папы возникли неприятности. Честно сказать, мне все равно, какую религию будет исповедовать мой будущий муж. Пусть даже он будет атеистом. Может, ты думаешь, что, приняв ислам, ты изменишь своим родителям, своим предкам? А посмотри, сколько парней и девушек сейчас вступают во всякие там кришнаиты и в свидетели. И ничего, живут, так сказать в мире и согласии. Ведь, главное, мы любим друг друга. И будем уважать друг друга. Разве не так?

Иван задумывается. Гульнара молча ждет.

Гульнара. Ладно, замнем этот разговор. Наверно, я слишком загрузил тебя.

Иван. Нет Гульнара. Так нельзя. Ведь это очень серьезный разговор. Давай расставим все точки над «и». Я... ты ведь знаешь – я готов на все ради тебя, ради нас, ради нашей любви. И если надо, я приму ислам. Что для этого требуется?

Лариса. (вскакивает и хлопает в ладоши) Ура! Мой брат будет мусульманином! Ему сделают обрезание.

Иван. (вскакивает, намереваясь шлепнуть ее, но она, увернувшись, забегает за скамью, а он, побегав взад-вперед, убеждается, что ему ее не настичь) Ты у меня допрыгаешься когда-нибудь! (пригрозив, он возвращается на место)

Лариса. Да, тебе сделают обрезание! И ты будешь носить бороду. Во-от такую пышную бороду!

Гульнара. (смеясь, машет рукой) Лариса! Перестань! Дело не в обрезании. (Ивану) Ладно, Вань, успокойся. Нужно спросить у папы, что нужно делать. Может, ты просто пойдешь к нему и попросишься в его общину?

Иван. (поднимаясь) Да, правильно, я так и сделаю. И прямо сейчас, не откладывая. Где дядя Аскар? В мечети?

Гульнара. (тянет его за рукав обратно на скамью) Сядь. Его нет, он в отъезде. Завтра приедет, вот тогда и поговоришь. Но только не говори, что ты принимаешь ислам потому, что хочешь стать его зятем. Думаю, он тогда рассердится на нас, и тогда точно не даст своего благословения.

Иван. Нет, конечно, я так не скажу. Раз я уважаю его, то значит, уважаю и его религию. И думаю, что если такой человек, как дядя Аскар, считает, что это самая правильная религия,

значит, так оно и есть. Просто мы, молодые, так далеки от всего этого. Вот мама, – она часто говорит, что если бы не родилась православной, то обязательно приняла бы ислам. И еще она говорит, что между этими религиями нет большой разницы. Они с дядей Аскарком часто беседуют на эту тему и никогда не спорят. И потому она не огорчится, узнав, что я решил стать мусульманином. Я думаю, – она поймет.

Гульнара. Да, наверное. Я очень на это надеюсь. (смотрит на часы и вскакивает) Ой, как мы тут засиделись! Нам же нужно в университет! Ты что? Забыл?

Иван. Ах, да! Я... (идет за ней) Так ты позвони, когда приедет твой папа, ладно.

Гульнара. Ладно. Идем быстрее! (уходят)

Лариса. Вот интересно! Может и мне принять ислам? Нужно попробовать надеть паранджу... интересно, можно ли у нас купить паранджу... или хотя бы хиджаб? (уходит, подражая походке воображаемой женщины в платье с длинным и узким подолом).

Действие первое

Помещение типа спортзала, в котором отрабатывают приемы какого-то восточного единоборства молодые люди в униформе. Их действия контролирует тренер, который также одет в униформу. Он время от времени останавливает ту или иную пару и делает замечание. После чего поединок возобновляется. По помещению гулко прокатывается эхо от резких выкриков бойцов. Появляется шейх Абдурахман. На шейхе чапан, на голове чалма. При его появлении тренер прекращает тренировку и, бойцы, став в стойку и повернувшись к шейху, внимают ему.

Шейх. Ассаламу алейкум!

Бойцы. (хором) Уа алейкум ассалам!

Шейх. Мусульмане! Готовьтесь к священной войне за установление всемирного Халифата, закаляйте тело и дух так, как был закален зульфикар – победоносный меч Пророка Мухаммеда, да благословит его Аллах и приветствует. Очень скоро мы поднимем зеленое знамя Ислама, чтобы на весь мир заявить о себе. Да, пока что мы молчим, мы немногочисленны, но наши ряды постоянно пополняются истинными мусульманами, праведными рабами Аллаха, и скоро под нашим священным знаменем встанут сотни, тысячи бойцов. Придет день, когда мы сметем с лица земли всю нечисть, всю мерзость, всех кафиринов, которые возомнили, что могут беспрепятственно творить зло, могут безнаказанно разлагать наше общество. Воины Аллаха! На вас возложена багородная миссия – установить на земле справедливый закон шариата. Будьте готовы к этой багородной миссии, будьте достойны такого высокого звания. (выкидывает вверх руку правую руку) Ля иляха илляллах!

Бойцы. Ля иляха илляллах!

Шейх. Мухаммад расульуллах!

Бойцы. Мухаммад расульуллах!

Шейх. (вместе с ним бойцы скандируют, выкидывая вверх руку.) Аллаху Акбар! Аллаху Акбар! Аллаху Акбар!

В это время входит имам Аскар. На имаме шуба и меховая шапка. Он отряхивает снег с шубы. Это свидетельствует о том, что на дворе зима.

Имам. (воспользовавшись паузой) Ассаламу алейкум!

Шейх. (оборачивается и видит имама) Уа алейкум ассалам! (спешит навстречу) Проходите, уважаемый. (жестом указывает на вешалку) Раздевайтесь. Давайте сюда вашу шубу.

Аскар. (снимает шубу и передает шейху и тот ее вешает) Спасибо, уважаемый.

Имам раздевается и остается в чапане. На его голове теперь узорчатая тюрбетейка, имам поправляет одежду, глядясь в висящее рядом зеркало.

Шейх. (ведет имама к противоположному концу зала, где находится импровизированная намазхана (место для совершения намаза, устланное коврами) и они на ходу ведут разговор) Что-ж, давайте знакомиться.

Аскар. Мое имя – Аскар. Я имам городской мечети. А вы?..

Шейх. Я знаю, кто вы, имам. Но очень рад познакомиться с вами лично. Что касается меня, то я шейх нашей общины, а зовут меня Абдурахман.

Аскар. (обведя взглядом бойцов) Вашей общины? Что это за община? Кто эти люди? Почему они так одеты? (обратив взор на шейха) Вы вообще откуда?

Шейх. Уважаемый, пройдемте сюда. Садитесь, вот здесь.

Приглашает гостя сесть на ковер во главе намазханы и садится с ним рядом. По его знаку молодые люди в униформе садятся так, как сидят мусульмане в мечети, обратив лица к шейху и имаму.

Шейх. Вы спросили – кто эти люди? Эти люди – основа нашей партии, можно сказать – ядро, ударный кулак.

Аскар. О какой партии вы говорите?

Шейх. О партии Аль Хизб.

Аскар. Аль Хизб? Разве такая партия есть?

Шейх. Есть. Теперь можете считать, что есть. Только об этом знают немногие. Вот теперь и вы узнали. Видите – мы доверили вам свою тайну.

Аскар. И что? Ваша партия зарегистрирована?

Шейх. Нет. А зачем нам ее регистрировать?

Аскар. Как зачем?! По закону любая партия должна пройти регистрацию в министерстве юстиции. Незарегистрированная партия считается незаконной. Разве вы не знаете об этом?

Шейх. Нам такая регистрация не нужна. А что касается законности или незаконности... в нашем государстве сейчас все незаконно. Ибо то, что вы назвали законом – не закон. Есть лишь один закон – это закон Аллаха, то есть закон шариата. Мы признаем только этот закон, по нему мы будем жить и приложим все силы, чтобы он стал основным законом нашего государства.

Аскар. Гм... но наше государство – светское государство, а чтобы принять закон шариата, нужно изменить государственную систему.

Шейх. Вот для того, чтобы изменить эту систему, и была создана наша партия.

Аскар. (вновь окидывает шейха удивленным взглядом) И как вы собираетесь изменить нашу политическую систему?

Шейх. Способов много...

Аскар. И все же... каким образом вы собираетесь изменить нашу государственную систему?

Шейх. Например, при помощи государственного переворота.

Аскар. Что-о?! Вы готовы пойти на организацию государственного переворота?!

Шейх. Да, возможно. Но мы пока не ставим перед собой такую цель. Партия наша молода, немногочисленна. А для того, чтобы править страной, нужны тысячи и тысячи сторонников. Нам нужно увеличить наши ряды, укрепить наших людей идейно, обучить, ведь даже те, кого вы видите здесь, не знают толком шариат. Мне одному не под силу все, я занят организационными вопросами. Поэтому мы и решили привлечь вас, уважаемый имам. Будьте нашим

бойцам учителем, насколько мне известно, у вас высшее духовное образование, говорят, что вы учились в самой Медине. Значит, вы хорошо знаете шариат.

Аскар. (обращаясь к боевикам) Джигиты, вы вступили на опасный путь. Я, конечно, за установление закона шариата. Но против того, чтобы установить этот закон посредством государственного переворота. Этот путь приведет к большому кровопролитию. Государственную систему можно изменить и мирным путем. Нужно учесть к тому же, что наше общество не готово к установлению законов шариата. Нужно сначала подготовить наших граждан. Не говоря о людях других вероисповеданий, даже те, кто считает себя мусульманами, не все готовы к такому закону. Да и нельзя их за это винить. Ведь прошло как минимум сто лет, если не больше, как наш народ был удален от норм шариата. Если говорить откровенно, у нас никогда и не практиковался этот закон в полной мере. К тому же в нашем государстве живут и представители других религий.

Шейх. После того, как будет установлен новый закон, представители других религий должны будут покинуть нашу землю и возвратиться на свою историческую родину. Мы никого не будем держать силой. И не только они – если среди наших соотечественников найдутся те, кто не пожелает быть мусульманами – скатертью дорога. Но кого из них ни спроси – каждый клянется, что он мусульманин. А как живет сейчас этот мусульманин? Вы не сможете отрицать – наш народ блуждает во тьме невежества. Наши люди погрязли в пороке, они стали игрушкой шайтана, не знают, где право, где лево. Наши девушки и женщины ходят по улицам практически голые, наши сограждане совершенно одичали, скоро будут совокупляться у всех на виду. Демонстрация полового акта по телевидению никого уже не поражает. Это стало нормой. Нужно остановить это безумие! Как? Я не вижу иного пути, кроме применения хоть и сурового, но справедливого и действенного закона шариата.

Аскар. Да, шейх, все, о чем вы только что сказали, имеет место. Но человек, к какой бы национальности ни принадлежал, сам должен выбирать религию. И народ должен сам решить, по какому ему жить закону. Я предлагаю вам зарегистрировать свою партию согласно требованию существующих законов и придти к власти в результате законной политической борьбы. Без всякого насилия, без кровопролития, в результате победы на выборах ваша партия может составить большинство в парламенте и потом уже изменить все наши законы, включая и Конституцию.

Шейх. Наш нынешний, так называемый закон двуличен. Если мы, как вы предлагаете, выберемся в парламент и попытаемся изменить конституцию и свод законов, то президент тут же распустит парламент, сочтя его незаконным. Существующая конституция предоставляет ему такую возможность. У меня на этот счет нет никаких иллюзий. Да и путь, который вы указали, очень долог. Вот возьмем вас... вас и вашу, так сказать паству. Мне сказали, что вы являетесь имамом уже пять лет. Так вот скажите – на сколько прибавилось число верующих за это время?

Аскар. Признаться, я не веду им счет...

Шейх. И все же... хотя бы приблизительно, насколько выросла ваша община? Да и выросла ли вообще?

Аскар. Вырасти-то выросла... только нужно признать, – выросла ненамного.

Шейх. Вот! По моим сведениям, число посещающих вашу мечеть за эти пять лет возросло лишь на пятнадцать-двадцать человек. И то в большинстве это жумабеки.

Аскар. (удивленно) Жумабеки? Какие еще жумабеки?

Шейх. (смеется и к нему присоединяются и все присутствующие) Жумабеки – это те, кто посещает мечеть только в пятницу. Они не совершают ежедневный пятикратный намаз.

Аскар. Я не разделяю вашего сарказма, шейх. Это проявление гордыни. А ведь Аллах ясно сказал в Коране, что не любит гордецов. А что касается тех, кого вы так презрительно обзываете «жумабеками», то ведь человек иногда идет к Богу извилистыми и долгими путями.

Для меня в тех «жумабеках» дорого их искреннее стремление приобщиться к религии, к Богу. Лишь бы Аллах принял и зачел эти искренние намерения. А то, как вы смотрите на них свысока – это гордыня.

Шейх. (ему плохо удается скрыть раздражение) Это не гордыня, имам! Это простая констатация факта. А вот скажите – разве Аллах любит тех, кто не совершает ежедневный пятикратный намаз? И можно ли такого человека считать мусульманином?

Аскар. Конечно, то, что человек не совершает ежедневные намазы, возбуждает большие сомнения в его вере. Но все же нельзя такого человека причислять к кафирам. Главное – чтобы в его сердце была вера в Аллаха. Вот если нет этой веры – тогда пусть он лоб себе расшибет, совершая намаз – ему никогда не стать мусульманином.

Шейх. А по тому хадису, по которому пророк наш Мухаммад, да благословит его Аллах и приветствует, сказал так: «Между человеком и верой стоит намаз» следует, что для того, чтобы добраться до веры, человек должен сначала овладеть намазом.

Аскар. Так-то оно так. Но учтите – об этом знаете вы, знаю я. А наши простые люди, так ли они информированы? И как я могу усомниться в их вере? Разве мы можем заглянуть в души людей, в души тех, кого вы обозвали «жумабеками»? Некоторые из них уже приступили к ежедневному пятикратному намазу. И разве кто-нибудь может осуждать их за медлительность? Ведь наши люди с раннего детства стали жертвой атеистического воспитания. Да и после крушения советской системы воспитание наше если и не атеистическое, то, во всяком случае, не религиозное, светское. Поэтому мы не должны спешить причислить наших сограждан к числу кафиров. А что касается представителей других религий, например, христиан, то им, по их религии и не вменяется в обязанность пятикратная молитва. Они посещают церковь тоже раз в неделю, в воскресенье.

Шейх. (все больше раздражаясь) Мне нет дела до христиан! Они же язычники, идолопоклонники. Им я могу сказать лишь одно: «Примите нашу, истинную веру, живите по закону шариата, либо возвращайтесь на свою историческую родину».

Аскар. А если они не захотят принять ислам и откажутся уезжать? Ведь они считают нашу республику своей родиной. Потому что они здесь родились и выросли, здесь жили их отцы, деды и даже прадеды. Как можно их теперь гнать отсюда?

Шейх. Я никого не собираюсь гнать. Я собираюсь установить закон шариата. А потом те, кто не примет его, кто будет игнорировать этот закон, будут признаны преступниками и они получат соответствующее наказание.

Аскар. И какое наказание вы собираетесь им назначить?

Шейх. Какое наказание требует применить шариат, такое и назначим. Ведь, к примеру, если я не признаю существующие законы, если я совершу деяние, идущее вразрез с этими законами, то я буду наказан в соответствии их статей и параграфов. Заплачу ли я штраф, посадят ли меня в тюрьму, или буду казнен – определяет этот закон. А мы, как только придем к власти, как только создадим суды шариата, будем применять к преступникам наказания соответственно статей и положений шариата. Накажем ли мы их плетьюми или забьем камнями – все это мы сделаем строго по требованию закона шариата.

Аскар. Все это так. Но народ сам должен решить, жить ему по этому закону или нет. Нельзя насаждать шариат насильно, проливая кровь людей.

Шейх. Почему? Давайте разберемся, уважаемый. Я не считаю наши существующие законы справедливыми. Но закон этот не считается с моим мнением. Государство вынуждает нас жить по этим законам. И не только нас! Таких, как мы, миллионов наших сограждан. Какой бы ни был закон – это проявление насилия. Какой бы ни был закон – это господство одной группы населения над другой. А закон шариата – это господство воли Аллаха, проявление его силы, его предначертания. Разве не так?

Аскар. Нет! Аллах против насилия! Вспомните, о чем говорит первый аят Священного Корана – «Бисмилла ир-Рахман ир-Рахим!» – «С именем Аллаха, Милостивого, Милосердного!». Этот аят проходит сквозь все Писание, раз за разом повторяясь рефреном. И как же мы можем быть немилосердными с такими словами на устах? Аллах в священном Коране, в суре «Кафиры» так велел пророку Мухаммаду, да благословит его Аллах и приветствует: «Скажи: эй, кафиры! Я не буду поклоняться тому, чему вы поклоняетесь. И вы не будете поклоняться тому, чему поклоняюсь я. Вам – ваша религия, мне – моя». Если бы Аллах хотел, если бы он пожелал, то он все человечество обратил бы в мусульман в один миг. И об этом он так и сказал в девяносто девятом аяте суры «Юнус»: «А если бы пожелал твой Господь, тогда уверовали бы все на земле. Разве ж ты заставишь людей силой стать верующими?» И пророк Мухаммад, да благословит его Аллах и приветствует, на своей родине распространял Ислам постепенно, в течение многих лет. Он стремился к тому, чтобы люди приняли нашу священную веру всем сердцем, всем своим сознанием. Он вел религиозную агитацию и пропаганду, говоря современным языком, в течение двадцати трех лет. А вы хотите, чтобы наши сограждане приняли ислам в один день. Так не годится. И мы должны поступать так, как наш любимый пророк. Мы должны неустанно агитировать наших людей, пропагандируя ислам, воспитывать терпеливо год за годом, в духе норм шариата, а потом эти люди и без нас примут этот закон к исполнению. Если пророк Мухаммад, да благословит его Аллах и приветствует, затратил на распространение ислама двадцать три года, и это при прямом содействии Аллаха, то, сколько же лет потребуется для такой же цели нам, простым смертным? Цели, которые вы перед собой поставили, верны. Только не думайте достичь их за один день.

Шейх. Но вспомните – ведь и пророку Мухаммаду, да благословит его Аллах и приветствует, с его сподвижниками приходилось братья за оружие, чтобы заставить кафиров склонить голову перед законом Аллаха. Вы это знаете не хуже меня.

Аскар. Знаю. Но вы забываете, что пророк Мухаммад, да благословит его Аллах и приветствует, никогда не брался за оружие самовольно. Только по прямому указанию Аллаха. А у вас есть такое указание от Аллаха? (несколько боевиков засмеялись)

Шейх. (вконец рассердившись, бросает грозный взгляд в сторону своих боевиков – смех прекращается) Послушайте, имам! Не кажется ли вам, что наша полемика зашла слишком далеко? Или вы решили посмеяться надо мной? Это, по меньшей мере, неэтично. Вы скажите одно – готовы ли вы преподавать нашим бойцам уроки шариата? Вы это скажите! И если нет, то мы подыщем другого учителя.

Аскар. (просидев некоторое время в задумчивости) Конечно, я никогда не отказывался учить людей, молодежь нормам и требованиям шариата. Я в своей повседневной работе в мечети занимаюсь как раз этим. Почему бы и вашим джигитам не получать знания в нашей мечети? Почему вы отделяетесь от нашей общины?

Шейх. К этому у нас есть веские основания. Вы скажите прямо – вы будете преподавать нашим бойцам шариат? Ответьте, наконец, на этот вопрос!

Аскар. Хорошо, я буду давать вам уроки шариата.

Шейх. Вот и отлично! Я и не ожидал от вас иного ответа. Скажу прямо – я очень надеялся на вас. Я слышал о вас только хорошее. О вас отзываются как о честном человеке, как о настоящем мусульманине. Ведь не секрет, что некоторые наши муллы и имамы забыли закон Аллаха и вступили на преступный путь стяжательства и наживы. А вы, как свидетельствуют все мусульмане, преданы своему делу и вкладываете всю душу в обращение каждого человека. Поэтому мы и хотим видеть вас в своих рядах. Вы нас не сторонитесь – у нас одни цели.

Аскар. Цели-то одни, но средства разные. Я, когда давал согласие преподавать вам, имел целью уберечь вас от роковых ошибок, свернуть с неверного пути на светлый и прямой путь, предначертанный Аллахом. Иншалла, я верю, что сумею осуществить это, и вы еще поймете, как заблуждались.

Шейх. Уважаемый имам, это ведь только Аллах знает, кто заблуждается, а кто находится на верном пути.

Аскар. Да, конечно. Поэтому я и молю Всевышнего, чтобы он не дал нам сбиться с пути и не стать добычей шайтана.

Читает Коран, потом раскрывает ладони, и все присутствующие делают то же самое.

Аскар. Хвала Аллаху – Господу миров! Милостивому, милосердному. Властелину дня воздаяния. Тебе одному мы поклоняемся и тебя одного молим о помощи. Веди нас прямым путем. Путем тех, кого ты облагодетельствовал, не тех, на кого пал твой гнев, и не тех, кто блуждает во тьме ошибок и грехов. Аллаху Акбар! (потирает ладонями лицо)

Шейх. (повторяет жест имама, а за ним и все сидящие) Аллаху Акбар!

Действие второе

Внутренний вид городской квартиры. Окна раскрыты настежь, ветер колышет шторы. Видна листва дерева растущего снаружи, то есть, все свидетельствует о том, что наступила весна. Жамал сидит на диване, подобрав ноги, и занимается вязанием. Она с некоторым недоумением поглядывает на телевизор, по которому идет балет Чайковского «Лебединое озеро». Она одета по-современному, на голове у нее легкая косынка. Входит Аскар.

Жамал. (отложив вязание) А, пришел? Чаю будешь? Пстой! Что это с тобой? Ты, случайно, не заболел? Вообще, со вчерашнего дня ты как будто чем-то озабочен. Что-то случилось?

Аскар. (садится на диван) Нет... ничего вроде не случилось. Просто... тут одно обстоятельство... одна проблема... (вздыхает)

Жамал. Что это за проблема? (встает с дивана и подключает электрочайник в розетку и продолжает беседу, собирая на стол) Говори же – что за проблема?

Аскар. Не знаю, говорить тебе или нет...

Жамал. Почему не сказать? Скажи. Вдвоем-то легче решать проблемы.

Аскар. Это не простая проблема. Да к тому же, это тайна.

Жамал. (пожав плечами) Ну... если тайна, то не говори. Попробуй решить проблему сам. Только, ведь если доверишься мне, то я ее никому не разболтаю.

Аскар. Да, конечно. (немного подумав) Жамал, что бы ты сказала... если бы я вступил в нелегальную партию?

Жамал. (роняет на стол какую-нибудь посуду) Что?! В нелегальную партию? Ты что, шутишь?

Аскар. Разве такими вещами шутят. Но... я пока еще не вступил в ту партию. Я еще раздумываю.

Жамал. Что это за партия? Разве у нас есть такие партии?

Аскар. Оказывается есть, Жамал. Называется Аль Хизб. И лидер этой партии предлагает мне стать ее членом.

Жамал. (опускаясь на стул) И что ты ему сказал?

Аскар. Что я мог сказать? Сказал, что подумаю. Сказал, что мне нужно посоветоваться с тобой.

Жамал. А он?

Аскар. Он согласился. Только предупредил, чтобы я не... ну, чтобы ты... короче, чтобы мы не предали огласке эту тайну.

Жамал. (поднимаясь со стула и продолжая уставляя стол конфетами, печеньем и пр.) Я не какая-нибудь сплетница. Ты это прекрасно знаешь. (помолчав некоторое время) Хорошо. Но в чем тайна этой партии? Что – она против нашего правительства?

Аскар. Да... можно сказать и так.

Жамал. Астафиралла! Значит, ты готов пойти против правительства? Так, что ли?

Аскар. Нет, конечно. Цель этой партии Аль Хизб – установление в стране закона шариата и провозглашение исламского государства. Лидер партии шейх Абдурахман хочет совершить государственный переворот. А я против этого. Я указываю ему другие пути.

Жамал. Другие пути? Как это понимать?! Ты... значит, ты поддерживаешь планы этого лидера... этого шейха Абдурахмана?

Аскар. Да. Почему ты удивляешься? Тому, что я, имам, мусульманин, за провозглашение шариата основным законом страны? Ведь закон шариата – самый справедливый закон. Это закон Аллаха. Я лишь против насильственного навязывания шариата.

Жамал. А, по-моему, закон шариата не соответствует современному цивилизованному обществу. Всему нашему укладу жизни. Как можно в двадцать первом веке принимать к исполнению средневековые законы! Наше современное общество – развитое, демократическое общество.

Аскар. Хорошо, пусть так. Но соответствуют ли этому обществу существующие законы?

Жамал. Почему не соответствуют? Наши законы – самые справедливые, самые гуманные законы в мире. А что ты хочешь сказать? Что нашему обществу соответствуют законы шариата? Если не ошибаюсь, по этим законам применяются порка и забивание людей камнями. Ворам отрубает руки.

Аскар. Да, современного человека способно ввести в шок все это. Но человек этот будет в таком же шоке, если он ознакомится по-настоящему с нашими тюрьмами и зонами. Конечно, я имею в виду неискушенного человека, который ни разу не был судим. А те, которые прошли через наши тюрьмы и зоны... они, наверное, предпочли бы лишиться руки, чем терять годы своей жизни, здоровье и молодость в тех тюрьмах и зонах, где, кроме всего прочего, свирепствует туберкулез.

Жамал. Да, возможно, условия в наших тюрьмах и не совсем хорошие. Возможно, что там и не все благополучно в смысле санитарии. Но это не имеет никакого отношения к предмету нашего разговора. Если условия нехорошие, то их надо улучшать.

Аскар. Да хоть озолоти – тюрьма останется тюрьмой! Дело не в условиях. Дело в том, что в наших тюрьмах и зонах созданы идеальные условия для сплочения и объединения настоящих, профессиональных преступников, для вербовки новых, молодых членов в их сообщества. Вот что главное! Да, преступники могут объединяться и вне тюрем. Но эти объединения, эти преступные группировки ничто по сравнению с той обширной и разветвленной преступной сетью, с которой мы сейчас имеем дело. Эта целая система, мощная сеть организованной преступности, перед которой бессильны, и правоохранительная система, и правительство. Каждый молодой человек, хоть раз попавший в поле зрения этой системы, неминуемо вовлекается в его ряды, и даже те, кто не подпал непосредственно под ее влияние, все равно живут согласно ее неписаным правилам и законам. Или ты скажешь, что не слышала о них?

Жамал. Может быть, преступники и живут по своим каким-то законам, но остальные люди, нормальные законопослушные граждане живут по законам государства. Например, мы – ты, я, наши дети – ведь мы не живем по законам преступников. Разве не так?

Аскар. Да, так. Но ведь кроме нас еще есть люди. Например, молодежь, подростки, в своей среде – чем они руководствуются? Ты не знаешь? Если ты, учительница, не знаешь этого, то кто же должен знать? Ведь молодежь живет сейчас по зонам законам, они руководствуются в своих отношениях воровским кодексом! Так называемыми «понятиями». Мы виним учителей и родителей в том, что наши дети становятся на преступный путь. Причем,

родители винят учителей, а те – родителей. Но никто не берет в расчет третью силу, третью воспитующую, а вернее, анти воспитующую силу – ту самую организованную преступную систему. А чем руководствуется та система? Законами государства? Как бы не так! Там действуют эти самые зоновские законы, воровские кодексы, «понятия».

Жамал. Я не утверждаю, что в наших законах и в системе наказаний нет недостатков. Они есть, и нужно их искоренять. Но я против того, чтобы на этом основании заменить наши законы законами средневековья. Да, в тех веках эти законы были необходимы, они тогда были прогрессивны, но сейчас другие времена.

Аскар. Времена-то другие, но люди те же. Психология человека двадцать первого века ничем в принципе не отличается от психологии человека средних веков. Как и в те века, нынешнего человека от совершения преступления удерживает страх наказания. Однако наш современник, обманувшись мнимой гуманностью наших законов, легко идет на преступление. А наказание по законам шариата скорое и наглядное. Эта система наказаний не обманывает, она не дает никаких иллюзий. Если человек видит, что за воровство отрубает руку, то он вряд ли пойдет на такое преступление. Да, вроде бы публичная казнь в наши дни и кажется варварством, зато у публики не останется никаких иллюзий на этот счет. Может быть, ты скажешь, что это жестоко. Но какое наказание не жестоко? Любой закон перестанет быть законом, если его лишить карающей силы. Особенно, если есть пути обойти эти законы. Если вспомнить о коррупции, в которой погрязли некоторые должностные лица, то можно сказать, что кое для кого законов просто не существует.

Через открытые окна начинает доноситься далекий глухой гул. Он постепенно набирает силу, но увлеченные спором супруги до поры до времени ничего не замечают. Этот гул звучит параллельно с музыкой балета, то усиливаясь, то затихая.

Жамал. Хорошо, пусть это и так. И что – с принятием на вооружение законов шариата коррупция исчезнет сама собой?

Аскар. Да. Потому что этот закон очень строг к взяточникам. И к тем, к берет, и к тем, кто дает.

Жамал. Но ведь взяточник перестанет брать взятки из страха перед карой, но он не перестанет быть взяточником. Ведь его суть от этого не изменится. Разве это правильно?

Аскар. Жамал, я с тобой полностью согласен. Да разве я ратую за то, чтобы прямо сейчас принять закон шариата?! Нет! Сначала нужно воспитать наших людей. Люди должны уверовать в Аллаха, они должны понять, что за все преступления и грехи они ответят перед Ним. Можно обойти законы людей, можно обмануть людской суд, но Аллаха не обманешь. От его суда не уйдешь, не скроешь ни малейшего преступления. В тот день, когда все люди поймут это, придет конец преступности. И тогда закон шариата будет карать только тех, кто стал игрушкой шайтана, тех, кто попал в его коварные сети. Ты права – человека должен удерживать от преступления не только и не столько страх наказания, его должно удерживать сознание того, что придется предстать перед судом Всевышнего, что придется держать ответ перед Высшим Судьей. Его должно удерживать воспитание, его должна удерживать совесть! Человек должен понимать, что преступление – это низость, это подлость, что оно не достойно звания человека. И наша задача – не карать людей, а дать им должное воспитание. Как только мы изменим сознание большинства людей, мы покончим, или, по крайней мере, сведем преступность до ничтожного минимума. Я все это рассказал и лидеру партии Аль Хизб, и его рядовым членам. Мне кажется, многие из них уже задумались и с каждым днем число тех, кто разделяет мое мнение, увеличивается, с каждым днем число тех, кто за установление закона шариата при помощи государственного переворота уменьшается.

Жамал. (облегченно вздыхает и, поднявшись, продолжает готовить на стол, например, заваривает чай) Ну, и слава Аллаху. Что же тогда тебя так гнетет?

Аскар. (Имам взглядывает в сторону окна, он с недоумением прислушивается к возросшему гулу и нарастающему рокоту на улице) Вчера прошло расширенное собрание партии. И на том собрании я столкнулся с полковником Исмаиловым. Полковник Исмаилов – заместитель командующего нашим гарнизоном генерала Яковлева. Позавчера генерал Яковлев вышел в отпуск и уехал в дом отдыха. Я раньше никогда не видел полковника Исмаилова в рядах членов партии, а теперь выясняется, что он состоит в руководящем комитете. Мало того, оказалось, что он второй после шейха Абдурахмана человек в руководстве Аль Хизб. И теперь меня беспокоит то обстоятельство, что этот факт скрывали от меня.

Жамал. (она тоже замечает, что на улице происходит нечто непонятное – теперь до них явственно доносится рев мощных моторов и лязг гусениц; весь этот шум переплетается вместе с музыкой Чайковского в чудовищную какофонию; она встает и направляется к окну, но останавливается у телефона) Аскар, все сказанное тобой вызывает тревогу. Мне кажется, что над нами нависла реальная угроза. Теперь нельзя сидеть спокойно. Нужно что-то делать. Мне кажется, ты обязан сообщить обо всем этом в КНБ. Может быть, ты наведаешься к ним? Или, может быть, стоит позвонить? Ты не знаешь телефон КНБ? (видя, что Аскар качает головой) Нужно справиться по ноль – девять. (берет трубку телефона и начинает набирать номер справочной)

Аскар. (подойдя к ней отнимает у нее трубку и кладет на аппарат) Нет, Жамал. Я не способен на такую подлость. И шейх Абдурахман, и другие члены партии доверили мне свою тайну. Как я перешагну через это доверие? Как я на них донесу? Нет, у меня только один путь – путь убеждения. И я верю, что смогу убедить их...

В этот момент раздается грохот взрыва за окнами и взрывной волной захлопываются наружные створки окна и бьются стекла. Аскар прикрывает своим телом жену и увлекает ее в глубь комнаты. Оба валятся на диван, Жамал прячется в объятия мужа. Доносятся грохот пушек, стрекотание пулеметов и автоматов, рев двигателей, лязг гусениц, крики команды и вскрики раненных. Через некоторое время бой за окном стихает, лязг гусениц удаляется и где-то далеко завязывается новый бой. Внезапно смолкает и музыка балета и на экране телевизора появляется заставка.

Жамал. (боязливо поднимает голову) Что это было, а?

Аскар. Не знаю...

Он встает и осторожно подходит к окну.

Аскар. (оборачивается к жене) Здание полиции разгромлено. Там что-то горит. Это путч, Жамал. (идет к телефону) Я должен позвонить Абдурахману.

Жамал. (указывает на телевизор, на экране которого появился шейх Абдурахман в униформе боевиков Аль Хизб, весь перетянутый портупелями, на поясе – пистолет в кобуре.) Постой, Аскар. Взгляни – кто этот человек?

Шейх. Уважаемые жители города! Я шейх Абдурахман, эмир только что провозглашенной исламской автономии. Мы, представители партии Аль-Хизб, взяли власть в городе в свои руки. И акимат, и отделы полиции, и все важные учреждения теперь под нашим контролем. С этого момента в городе объявляется чрезвычайное положение и вводится комендантский час. С двадцати одного часа до семи утра запрещается движение по улицам без особого пропуска. Нарушители комендантского часа будут задержаны и помещены в КПЗ. Оказавшие сопротивление будут уничтожены на месте.

Наша автономия должна стать фундаментом будущего исламского государства. С этого часа утрачивает силу свод прежних законов и вступает в силу закон шариата. Поэтому, кто не считает себя мусульманином, кто не желает жить по законам шариата, должен покинуть пределы нашего города. Для этого они должны собраться в стадионе, оттуда их будем вывозить автобусами в областной центр. С собой разрешается взять документы, ценные вещи и деньги, у кого есть автомобиль, тот может выехать на нем, только прежде нужно навестись в стадион и поставить в известность нашу миграционную службу, которая занимается учетом выезжающего населения.

Граждане! Мы никого не гоним из города. Если кто решит принять ислам и стать гражданином нашей автономии – добро пожаловать! Мы вас примем в свои ряды с распростертыми объятиями, вне зависимости от вашей национальности. Те, кто останется в городе, с сегодняшнего дня начнут жить согласно законам шариата. То есть, будут совершать обязательный пятикратный намаз. Все должны будут одеваться соответственно норм шариата. Особенно это касается девушек и женщин. Шитье мусульманской одежды будет организовано во всех ателье и швейных салонах города бесплатно, и на это отводится три дня. Если по прошествии трех дней кто-то появится на улице не одетым соответственно, то будет наказан согласно законам шариата.

С завтрашнего дня все школы города будут преобразованы в медресе, там начнется обучение намазу и азам ислама. Но, умеет совершать намаз – не умеет, каждый житель по азану – призыву к молитве, должен поспешить в мечеть или в ближайшее медресе для совершения намаза. Особенно это касается мужчин и юношей. Те, кто не повинуется призыву, будут силой выведены из домов и квартир специальными подразделениями. Но, думаю, таких и не окажется.

Это предварительное сообщение. Полный информационный выпуск будет опубликован в газетах на казахском и русском языках. А пока, до свидания. Аллаху Акбар!

На экране телевизора вновь появилась заставка и зазвучал Коран.

Жамал. (выключает телевизор с помощью пульта) Как это понимать? А?

Аскар. Ай-ай-ай, Абдурахман, Абдурахман! Зачем ты так поспешил?!

Жамал. Что будем делать, Аскар?

Аскар. (пытается звонить с мобильного, но связи нет; поднимает трубку телефона и подносит к уху, потом несколько раз нажимает на рычажки и кладет обратно; и Жамал пробует свой мобильник – тщетно) Телефоны не работают. Видимо АТС и мобильную связь отключили. (направляется к двери)

Жамал. Аскар, ты куда?

Аскар. К шейху. Я должен поговорить с ним. Я должен остановить мятеж. Это безумие!

Жамал. (подходит к нему) Аскар, не ходи к нему. Он... он тебя не послушается. Разве не видишь, что творится. Ты теперь ничего не изменишь. Давай лучше подумаем, что нам делать.

Аскар. Мне нужно поговорить с шейхом и, пока он не наломал дров, остановить его. А вы...

Жамал. Аскар! Послушай! Ты теперь ничего не сможешь сделать. Разве ты не понял – он обманул тебя. Аскар, нам нужно уезжать. И нужно уезжать сегодня, сейчас – завтра может быть поздно.

Аскар. Уезжать? Куда?

Жамал. Не знаю... в первую очередь нужно выехать из города, пока еще открыты дороги. Если только они их уже не перекрыли. Нужно выехать, а потом видно будет. Можно побыть

пока у родителей, ну, недолго... может быть недельку – другую, пока не закончатся эти беспорядки. Надеюсь, правительство и президент не будут безучастно смотреть на это безобразие.

Аскар. Нет, Жамал, я не могу уехать. Как я уеду и брошу людей, свою общину! Ведь я имам! Да и нет никакого повода к бегству. Нет никакой опасности для нас.

Жамал. Откуда ты знаешь! Чего можно ждать от этих мятежников! Что ты будешь делать, если меня или нашу дочь завтра накажут розгами за то, что мы не носим хиджаб?

Аскар. Так в чем же дело?! Сколько лет я тебе твержу – одевайся, как подобает мусульманке, как подобает жене имама. Ведь наши аксакалы постоянно тычут мне в глаза тем, что ты не носишь хиджаб. И дочь пусть тоже оденется как следует, в этом вопросе я поддерживаю Абдурахмана на все сто. Ведь невозможно стало ходить по улицам – все наши девушки и женщины разгуливают почти обнаженные! Если ты считаешь себя мусульманкой – одевайся как мусульманка, совершай обязательный пятикратный намаз – эти требования шейха вполне уместны, это и не его требования – этого требует от нас сам Аллах. Я не согласен с ним лишь из-за его методов. Не согласен с тем, что он изгоняет из города представителей других религий. И я не согласен с тем, чтобы дробить наше государство, идея автономии – опасная авантюра. Все это может привести к великому кровопролитию...

В этот момент звонит телефон.

Аскар. (поднимает трубку) Алло, кто это?

Голос шейха. Ассаламу алейкум! Это я, шейх Абдурахман. Асеке, вам нужно срочно прибыть в эмират, то есть, в бывший акимат, в кабинет акима, здесь теперь мое рабочее место. Нужно обсудить организацию суда шариата.

Аскар. Абдурахман! Что вы затеяли! Это же авантюра! И авантюра очень опасная. Мы так не договаривались!

Шейх. Асеке, о чем вы? О каком договоре вы говорите? Мы с вами ни о чем не договаривались.

Аскар. Вы меня обманули, шейх! Вы уже осуществили переворот, а я сижу, как дурак и ни сном ни духом. Как это понимать? Ведь в программе минимум ничего не говорится ни о каком мятеже! На вчерашнем собрании не было произнесено ни слова о сегодняшнем выступлении.

Шейх. Уважаемый имам! Вы еще не состоите членом нашей партии. И вы не вправе требовать от меня отчета. Это выступление – внутреннее дело нашей партии.

Аскар. Ошибаетесь, шейх! Этот мятеж касается всех жителей нашего города, всех граждан нашей республики. Я никогда не думал, что вы пойдете на такую безответственную авантюру. Я не думал, что вы совершите такую глупость.

Шейх. Это не глупость. И не авантюра.

Аскар. Что же это тогда?! Неужели вы думаете, что правительство, президент будут безучастно наблюдать за вашими действиями? Неужели вы полагаете, что они признают вашу автономию? У меня нет никакой информации, но я уверен – скоро со всех концов страны к нам направятся армейские подразделения и не позднее, чем завтра президент отдаст приказ окружить город, и предъявит вам ультиматум.

Шейх. (рассмеявшись в трубку) Постойте, имам! Не спешите причислить меня к глупцам. Не президент мне, а я сам предъявляю ему ультиматум.

Аскар в гневе швыряет трубку на телефон. Он бросает беглый взгляд на жену и направляется к выходу.

Аскар. Я пошел. Нужно поговорить с ним с глазу на глаз.

Жамал. (она задерживает его) Аскар, не ходи! По-моему бесполезно говорить с этим полоумным. Разве не слышал – он собирается предъявить ультиматум президенту?

Аскар. Да, и я начинаю подозревать, что у него не все в порядке с головой. Но ведь нужно как-то остановить его. Я поговорю с ним, поговорю с полковником Исмаиловым, с другими лидерами партии – ведь не все же они сошли с ума. Я должен остановить их, иначе город потонет в собственной крови.

Жамал. Нет, Аскар, ты их не остановишь. Еще вчера у тебя была такая возможность, но теперь поздно. Нужно подумать о нас. Машина в порядке? Сколько там бензина? Где наши дети? (звонит по мобильнику) Гульнара! Ты где? С Иваном? Но где вы? Понятно, что в городе! Где конкретно? Как не беспокоиться, как не беспокоиться! Ты что – не видишь, что творится? Что? Тебе ничто не угрожает? Что это значит? Слушай, мне недосуг с тобой препираться. Давай, возвращайся домой. Да поосторожней там... на улицах. Ты меня поняла? Возвращайся быстрее – мы уезжаем. Да. Давай. (отключает мобильник и поворачивается к мужу) Гульнара с Иваном. Говорит – им ничто не угрожает. В такое время и такая беспечность. Ну что же ты стоишь? Езжай в школу, привези Берика. А к тому времени и Гульнара должна вернуться. Соберемся здесь и поедем.

Аскар. Жамал... послушай, Жамал, я никуда не поеду. Именно сейчас я не могу никуда уехать. Сейчас, когда над нашими людьми нависла такая угроза. Подумай сама – как я, имам, брошу всех на произвол судьбы и ударюсь в бегство. Нет, мы никуда не поедем. Я сейчас привезу Берика... вы пока посидите дома, никуда не выходите. Возможно, долго не придется сидеть. Я думаю... (решительно уходит)

Жамал. (закрывает за ним дверь и, возвращаясь, набирает номер по мобильнику) Ой, не знаю, сколько продлится это безумие. Чует мое сердце – добром это не кончится. По-моему мы еще пожалеем, что не выехали сегодня... Алло! Алло! Ну, что это со связью! Все там посходили с ума, что ли!

Она приносит веник и совок и собирает битое стекло. Закрывает целые внутренние рамы окна. В этот момент входит Берик. Его голова перевязана. За ним Мария. Ее слегка качает, и она держится за грудь в районе сердца.

Берик. (бросаясь к матери) Мама! Что там было! Я своими глазами видел, как танк стрельнул из пушки. Ты не поверишь, но...

Жамал. (прижимает к себе сына, затем отстраняет его) Что с тобой?! Ты ранен?

Берик. А, это? Пустяки! Мы смотрели из окна в классе, как танк поворачивал свою башню, так красиво – как в кино, и потом он так бабахнул из пушки, что стекла и посыпались. Одно стеклышко и резануло по лбу.

Мария. Не беспокойся, Жамал, рана неглубокая, просто царапина.

Берик. Да, мама, просто царапина. И не болит вовсе. Я и не хотел, чтобы меня перевязывали, но Мария Петровна настояла.

Жамал. Ладно. Главное, что ты жив, и ты дома. Иди к себе, Берик, уложи в свой рюкзак самое необходимое – должно быть, мы уедем. Возьми джинсовый костюм, пару рубашек, полотенце, зубную щетку и пасту.

Берик уходит. Жамал приглашает Марию к столу.

Жамал. Давай хоть с тобой попьем чаю – во рту от всех этих тревог пересохло. (наливает и подает подруге пиалу) Бери печенье.

Мария. (кладет сахар в чай и мешает ложкой) Нет, спасибо. Кусок не лезет в горло. (отхлебнув чаю) Значит, вы решили уезжать?

Жамал. А что делать? Правда, Аскар не хочет. Но, думаю убедить его. А вы что, остаетесь?

Мария. Нет, я тоже думаю, что нужно уезжать. Но Ваня... Ты ничего о нем не знаешь?

Жамал. А что с ним?

Мария. Ты, конечно, знаешь, что он принял ислам. Но это еще не все. Оказывается, он состоит в этой партии, в Аль Хизб. Об этом я узнала только сегодня, сейчас, перед тем, как идти домой. Я позвонила ему, сказала, что нам нужно собраться и поехать в стадион. А он ответил, что никуда не уедет, что он мусульманин, и что он является членом партии Аль Хизб. Он советует и мне принять Ислам и остаться в городе. Вот так. А ты, значит...

Жамал. Да, я считаю, что надо уезжать отсюда, и чем скорее, тем лучше. А что касается Вани... Конечно, каждый волен принимать ту или иную веру. И каждый волен поступать, как ему велит разум и совесть. Но мне кажется, что этот шейх Абдурахман умело использует людей. Он их попросту обманывает. Вот и Аскара он обманул. А ведь у него была возможность предотвратить все это безобразие. Аскар знал то, что для нас с тобой явилось неожиданностью, хотя он сказал, что так и не вступил в ту партию. Да, теперь выясняется, что и Ваня об этом знал. Но что с него взять? Он слишком молод. И... он пошел к заговорщикам следом за Аскаром. Ты ведь знаешь, какой Аскар авторитет для него. Ведь он принял Ислам из-за Аскара.

Мария. А мне кажется – из-за Гульнары. И потом – ведь Аскар, как ты говоришь, не является членом той партии.

Жамал. Да, но он был посвящен в их тайны. И посещал их собрания. Другое дело, что эти экстремисты использовали его, использовали его авторитет, чтобы перетянуть на свою сторону порядочных людей, офицеров гарнизона, молодежь, посещавшую мечеть. Ведь все они считали, что Аскар заодно с шейхом.

Мария. А разве он не заодно с ним?

Жамал. Вообще-то, наверно, заодно. Только в том, что касается закона шариата. Но он говорит, что был против радикальных мер. Против насилия.

Мария. Но насилие уже применено. И это только начало. Нет, нужно уезжать.

Жамал. И я того же мнения. Но как убедить Аскара? Да и понять его нетрудно – ведь он имам, духовный наставник многих мусульман. Он не может бросить людей, свою общину. А я... может мне уехать без него? Как ты считаешь? Ведь нужно позаботиться о детях.

Мария. Не знаю, Жамал. Конечно, мы обязаны в первую очередь думать о детях... но, что касается тебя... думай сама. Вроде бы вам ничто не угрожает.

Жамал. Ой, не знаю! Кто может сейчас с уверенностью сказать, кому что угрожает? Я...

В этот момент входит Гульнара, а за ней Иван. На нем униформа экстремистов.

Гульнара. Здравствуйте, тетя Мария.

Мария. Здравствуй, Гульнара.

Иван. Здравствуйте, тетя Жамал.

Жамал. (пристально смотрит на его, разглядывает его униформу) Здравствуй... Ваня. Тебя теперь не узнать.

Гульнара. (Иван мнется, и она выдвигается вперед) Вы знаете о том, что произошло в городе?

Жамал. (строго, но, не отрывая взгляда от Ивана) Уж не оглохли, наверное. И не ослепли. Ты где была?

Гульнара. (легкомысленно) Я? Мы были в центре, там...

Жамал. (повернувшись к дочери) Там стреляют, к твоему сведению. Ты хоть понимаешь, какой опасности себя подвергала?!

Гульнара. Я была с Ваней.

Жамал. И что?

Иван. Тетя Жамал, не волнуйтесь. Гульнара была в укрытии. Она была в полной безопасности.

Жамал. (опять поворачивает голову в его сторону) А ты что, стал путчистом?

Иван. Нет, мы не путчисты.

Жамал. Кто же вы тогда? Разве не вы тут свергли законную власть?

Иван. Тетя Жамал, прошу вас, не говорите так. Власть, что была у нас, не была законной. Это мы установили настоящую, законную власть. Власть законов Всевышнего Аллаха. Мы...

Мария. Бесплезно с ними разговаривать. Они теперь будут твердить заученные фразы, которые вложил в их уста шейх Абдурахман.

Иван. Ну почему, мама! Я сознательно вступил в партию Аль Хизб. Мы хотим изменить наше общество, изменить к лучшему. У нас благородные цели и...

Мария. Ну конечно – кто бы сомневался! Благородные цели и благие намерения!

Жамал. В ад ведут ваши благие намерения! В ад!

Гульнара. Мама! Тетя Мария! Ну что вы так пристали к нему! Он всего лишь...

Жамал. А что ты хочешь – чтобы мы благословили его на убийства?

Гульнара. Какие убийства? Ваня...

Жамал. Какие убийства?! Взгляни в окно, – полицейский участок разгромлен. Здание расстреляли из пушечного орудия. Из пулеметов и автоматов. Может, скажешь, что там кто-то остался в живых?!

Гульнара идет к окну, но тут раздается мощный взрыв. Такой силы, что разлетаются стекла внутренних рам. Гульнара с криком отпрянула назад, ее обнял и прижал к себе Иван. Клубы пыли и дыма проникли в помещение. Женщины нагнулись к столу, прикрыв голову руками.

Берик. (вбежав в комнату, подбегает к окну) О! Смотрите! Абылайхана как не бывало!

Жамал. (вскочив, подбегает к нему) Берик, отойди от окна!

Берик. (сопротивляясь) Не, мама, не бойся. Все кончено, теперь ничего не будет.

Жамал. (выглянув в окно) Чем им помешал памятник Абылайхану?

Мария. (подходит к окну, а за нею и Гульнара с Иваном) Этого следовало ожидать. Теперь будут уничтожены все памятники и бюсты. Все барельефы и картины в музее. Все изображения людей, животных и растений.

Жамал. Если бы только изображения. Чувствую, эти безумцы не остановятся на этом. Чувствую, после этого они примутся уничтожать и самих людей. (оглядывается на Ивана)

Иван. (берет Гульнару за руку и тянет ее к выходу) Ну, мы пойдем...

Жамал. Иди-иди, взрывавай, стреляй, убивай. Только оставь Гульнару в покое. Нам с тобой не по пути.

Гульнара. Я сейчас, мам.

Жамал. (решительно направляется к ней и буквально вырывает ее руку из руки Ивана) Нет, ты никуда с ним не пойдешь! (подталкивает ее к двери в смежную комнату) Иди, собери свои вещи. Мы уезжаем.

Гульнара. Уезжаем? Куда?

Жамал. Пока еще не знаю, но как можно дальше отсюда.

Гульнара. И что... и папа едет?

Жамал. Едет! Поедет! Или ты хочешь оставить его здесь? Среди этих полоумных?

Гульнара. Не знаю. Но ведь он...

Иван. Нет, дядя Аскар не должен уехать. Город покинут только...

Жамал. Ты еще здесь?! Иван, позволь нам самим разобраться со своими семейными делами.

Иван. (смутившись) Извините. Ну, я пошел. (уходит, покидает комнату и Гульнара, но она переходит в другую комнату. На пороге она оглядывается на Ивана, и они обмениваются взглядами)

Мария. (глядит ему вслед, потом поворачивается к Жамал) Да, наломают они дров. Если только их вовремя не остановить. Ладно, Жамал, я пошла. Тоже буду готовиться к отъезду. Сейчас я твердо решила – мы не останемся. А Иван... в конце концов он уже вполне взрослый. Пусть устраивает свою судьбу сам. Надо еще найти Ларису. Хоть бы она сидела дома. (уходит, Жамал идет провожать)

Жамал. До свидания, Мария. Счастливого вам пути.

Мария. До свидания. И тебе... и вам... может быть, скоро увидимся. А может быть... (махнув рукой, переступает порог и Жамал закрывает за ней дверь)

Жамал. (возвращаясь в комнату) Да, может быть, мы больше не увидимся.

Действие третье

Двор мечети. За забором неподалеку виднеется административное здание, на нем – зеленое знамя ислама. В глубине двора толпятся люди, одетые в мусульманскую одежду. Слышится сдержанный гул голосов. Толпа наблюдает за приготовлениями к суду шариата. Рабочие заняты установкой столба для порки людей. Неподалеку – куча булыжников. Другие рабочие вносят плаху и втыкают в него топор мясника. При виде плахи и топора гул в толпе усиливается.

Голос из толпы. А топор для чего? Неужели будут отрубать головы?

Другой голос. А ты как думал? Кого-то будут пороть, кого – забивать камнями, а кому и голову долой!

Голоса тонут в шуме, потом наступает тишина. Маршируя, подходят солдаты с автоматами, их ведет офицер. Солдаты становятся в шеренгу вдоль одной стороны сцены. А другую сторону занимают боевики Аль Хизб с резиновыми дубинками в руках. На поясе у каждого висит кобура пистолета. Рабочие вносят стол и три стула и ставят их ближе к переднему краю сцены таким образом, чтобы судьи могли видеть то, как будут исполняться назначенные им наказания, и чтобы их лица могли видеть зрители. Выходит кади, идет к столу и садится за центральный стул с высокой спинкой. За ним с папкой в руках идет писарь. Он садится, кладет папку (впоследствии во время отправления суда шариата он будет делать записи) на стол и, достав ручку, делает приготовления к записи. Появляется шейх Абдурахман. Он в чапане и мягких сапогах из тонкой кожи; на голове у него чалма. В руке плетка, которая висит у него на запястье. Иногда он похлопывает ею по голенищам.

Шейх. (обращаясь к толпе, прижимает руку с плеткой к груди) Ассаламу алейкум!

Несколько голосов из толпы, вразнобой. Уа алейкум ассалам!

Шейх. Мусульмане! Братья и сестры! Сегодня знаменательный день. Сейчас состоится первый на нашей земле суд шариата. Мы долго жили в беззаконии, ибо прежние так называемые законы лишь развращали людей. Они были несправедливыми и они оставляли много лазеек для настоящих преступников и в то же время несоразмерно жестоко карали тех, кто по молодости и по глупости допускал незначительные проступки. И это понятно, ведь эти законы в кавычках придумали люди. А закон шариата – это закон Аллаха. Некоторые говорят, что он слишком суров и жесток. Это ложь! Ибо этот закон милосерден. Милосерден и справедлив. Показателен и нагляден. (указывает на кади) Этот человек – кади, судья, который был

назначен мною, эмиром нашего маленького государства. Он, в отличие от ваших прежних судей, неподкупен. Можно скрыть от контролирующих органов должностное преступление, но невозможно скрыть ничего от Аллаха. И если кади вынесет несправедливый приговор, то будет держать ответ перед Аллахом. Да, конечно, и те прежние судьи в кавычках будут держать ответ перед Аллахом. Но они об этом не думали, они об этом не знали. Они в это не верили. Итак, бисмилла, начинаем с именем Аллаха.

Кади. Бисмилла! (отодвигает от себя слишком близко стоящий свободный стул, предполагая, что шейх сядет) Садитесь, уважаемый.

Шейх. Нет, это место для нашего имама. Что-то он запаздывает. (обращаясь к одному из своих помощников) Сходи-ка за имамом, скажи – мы начинаем. (помощник уходит)

Кади. Да, да, пусть поторопится. (шейху) С кого начнем?

Шейх. (ударяет плеткой по голенищам своих сапог и обращается к своим подручным) Давайте, ведите преступников.

Подручные приводят двух девушек. Первая, полная, дородная девушка одета в облегающую и полупрозрачную одежду типа блузки и лосин, из которых выпирают все ее прелести. У второй, потоньше и помоложе, девочки-подростка оголен живот, виден пупок.

Шейх. (неожиданно бьет плеткой по ягодицам первой девушки) Что это такое, а!

Девушка. (отпрянув и хватаясь за ягодицы, кричит сердито зычным голосом) Ой! Чего вы бьете-етесь?!

Шейх. А что я, по-твоему, должен делать? Погладить твою попку, да?

Девушка. Не надо гладить. Но нельзя же бить, тем более такой плеткой?

Шейх. Как же иначе убедить вас не щеголять голой задницей на улицах?!

Девушка. Я не щеголяю голой задницей! Не видите – на мне лосины.

Шейх. Как же не с голой! Ведь она за квартал кричит о себе! (обращаясь к толпе) Что это за девушка, а? Есть у нее родители? Есть у нее мать?

Из толпы отделяется пожилая женщина и подходит к шейху.

Женщина. (утирает концом платка слезы) Я ее мать. Пожалуйста, простите ее.

Шейх. Вы плачете? Значит, стыдно, да? Как же вы воспитали свою дочь? Как только могли отпустить ее на улицу в таком виде!

Женщина. Но что я могу поделаться? Ведь она не слушает меня. (смотрит на дочь сердито) Я ей говорю, мол, оденься приличнее. А она отвечает, что фигура у нее что надо, и сзади она выглядит так сексуально и почему-де она должна скрывать свою красоту?

Шейх. О Аллах! Что же с нами стало?! Неужели у наших девушек не осталось ничего красивого, кроме этих лопающихся от сала ягодиц! Ведь им теперь ни к чему, ни ум, ни обаяние, ни стыд, ни скромность, которые их так украшали, и они теперь гордятся только лишь вот такой упитанной задницей! (вновь бьет девушку по заду и она взвизгивает и потирает ягодицы, а шейх обращается к кади) Как вы думаете наказать ее?

Кади. Я думаю, что для начала нужно высечь. А если это не поможет, тогда наказание будет более суровым. Но, думаю, она уже поняла свою ошибку, и впредь будет одеваться так, как приличествует мусульманке. Двадцать ударов плеткой.

Шейх. Правильно! (помощникам) Ну, что стоим? Сыпьте ей по первое число. Да по заднице, по заднице! Если воспитание не доходит через уши, то, может быть, дойдет через ягодицы.

Подручные шейха волокут сопротивляющуюся девушку к столбу, приковывают ее, и палач начинает экзекуцию. Но он бьет слишком легко и неуверенно.

Шейх. (подходит к палачу и отгесняет его) Как ты бьешь? Ведь ты попросту ласкаешь ее. Вот как надо!

Шейх бьет с сильным замахом. Девушка визжит, дергается, плачет, молит о пощаде, обещает исправиться, но шейх неумолим. Он бьет и громко считает удары. Из толпы доносится смех и насмешливые слова, адресованные девушке, несколько голосов повторяют, скандируя, счет вслед за шейхом, кто-то глухо ропщет, в общем, царит оживление. Но вот экзекуция закончена, девушка отпущена, и она удаляется, прихрамывая, всхлипывая и держась за зад, и вслед ей несутся насмешки из толпы. Шейх подходит к девочке-подростку. Та съеживается под его грозным взглядом.

Шейх. А ты зачем выставила напоказ свой пуп?

Девочка. (плача приседает, прикрывая руками пуп, ей показалось, что шейх ударит ее плеткой по животу) Дяденька! Пожалуйста, не бейте! Я не буду, я теперь буду одеваться, как следует.

Шейх. Будешь, конечно, будешь! Теперь не только ты, все девушки будут ходить в приличной одежде. (обращаясь к кади) Какое наказание вы назначите ей?

Кади. И ее бы надо выпороть. Но, учитывая ее возраст... может, просто отпустим? Предупредим, на первый раз. Как вы думаете?

Шейх. (недовольно) Чего вы у меня спрашиваете? Вы же судья. Вот и выносите приговор согласно закону шариата. Вам и отвечать перед Аллахом, и за слишком суровый приговор, и за мягкий тоже.

Кади. Да-да! Конечно, я об этом помню. А девочке этой назначаю десять плеток.

Недовольный гул прокатывается по толпе, раздаются выкрики, призывающие к милосердию.

Шейх. Тихо! От десяти ударов плеткой не умирают. Зато урок будет усвоен крепче. На всю жизнь. (подручным) Исполняйте приговор.

Подручные шейха волокут плачущую навзрыд девочку к столбу, и палач хладнокровно наносит ей десять ударов под ее крики. После этого и она уходит.

Шейх. Та-ак! Кто следующий?

Подручные приводят юношу. Парень с опаской поглядывает на шейха.

Кади. В чем преступление этого паренька?

Шейх. Он вор. Вор-карманник. Пойман на месте преступления, при попытке стянуть кошелек у одного мусульманина.

Кади. Свидетели есть?

Шейх. Есть. Двое мужчин. И потерпевший тоже. Он-то и схватил руку вору, когда тот уже вытащил кошелек. Вот потерпевший, а вот и свидетели.

Кади. А свидетели честные? Им можно доверять?

Шейх. Вполне. О них положительно отзывается сам имам Аскар. Они оба намазханы – совершают пятикратный намаз.

Кади. Ну, тогда можно верить.

К кади подходит потерпевший и два свидетеля.

Кади. (потерпевшему) Вы подтверждаете, что этот парень украл у вас бумажник?

Потерпевший. Да, подтверждаю. И прошу примерно наказать вора, в назидание другим. (шейху) Я вас полностью поддерживаю, шейх. Эти воры и преступники совсем распоясались. Пора кончать с этим безобразием.

Шейх. Покончим, покончим! Пусть никто в этом не сомневается.

Кади. (первому свидетелю) Вы можете засвидетельствовать, что этот парень украл кошелек у этого мусульманина?

Первый свидетель. Да, я сам своими глазами видел, как он вытащил кошелек из кармана этого мусульманина.

Кади. Перед тем, как свидетельствовать, скажите: ашхаду – я свидетельствую. И давайте точнее – он вытащил кошелек, или украл?

Первый свидетель. (насмешливо) А какая разница? Вытащил, – значит украл. (из толпы слышится смех)

Шейх. (строго) Есть разница. Это суд шариата, здесь нет мелочей, кади должен выяснить степень вины каждого преступника, чтобы потом вынести справедливый приговор. Поэтому точно отвечайте на его вопросы.

Первый свидетель. Хорошо. Ашхаду, я свидетельствую, что этот парень украл кошелек у этого человека.

Кади. Хорошо. (второму свидетелю) А вы можете засвидетельствовать, что этот парень украл кошелек у этого мусульманина?

Второй свидетель. Ашхаду – я свидетельствую – этот парень украл кошелек у этого человека. Я это видел собственными глазами. Да там все это видели. Дело-то происходило на базаре, там людей полно. Только, кроме нас двоих никто не согласился быть свидетелями.

Шейх. Ваших свидетельств достаточно. Наши люди еще не все сознательные. Они не понимают, что укрывая сегодня вора, завтра сами станут его жертвой. (потерпевшему и свидетелям) Вы можете идти. (те уходят)

Кади. (вору) Ну, а ты что скажешь? Признаешь свою вину?

Вор. Да, признаю. Простите, пожалуйста, меня. Я обещаю – такое больше не повторится.

Шейх. Ты скажи нам – почему ты ворует? Ты голодаешь? (парень отрицательно качает головой) Нет. Или ты не можешь работать и обеспечивать себя честным трудом?

Вор. Я работаю. На стройке. (с надеждой) Я хорошо тружусь, это может подтвердить мой бригадир. Я не прогуливаю и никогда...

Шейх. И что? Зарплаты не хватает? У тебя что, большая семья?

Вор. (поникнув от строгого тона шейха) Нет, я неженатый. У меня нет семьи. И зарплаты вроде хватает...

Шейх. Тогда в чем дело?

Вор. Знаете... я бы не хотел воровать. Мне так стыдно... и сейчас, и вообще каждый раз, когда я вытаскиваю кошельки или сотки из карманов. Да... но ничего не могу поделать с собой. Как только оказываюсь в переполненном автобусе, или в магазине, или на базаре, где толкуются люди, моя рука начинает чесаться... появляется такой нестерпимый зуд в ладони и пальцах, что я не выдерживаю... и, вот, сам не знаю, как эта рука оказывается в чьем-нибудь кармане.

Шейх. Ага! И какая рука у тебя чешется?

Вор. (поднимает правую руку) Вот эта. Поверьте, я бы не хотел воровать. Но эта проклятая рука... уж не знаю, что с ней делать.

Шейх. Зато мы знаем. И знание это нам дал Аллах. Он повелевает нам избавляться от таких рук, безжалостно отрубать такие шаловливые пальцы. (кади) Что вы скажете, уважаемый?

Кади. Наказание ему по закону шариата такое – отрубить для начала кисть руки. Если попадется еще раз – то уже по локоть. А потом – и всю руку по плечо.

Шейх. Правильно. (палачу) Исполняйте приговор. Избавьте бедного парня от бесовского зуда.

Вор. (его волокут к чурке с топором и он оглядывается к шейху через плечо) Прошу вас, не отрубайте мне руку! Я не буду больше воровать.

Шейх. Надеюсь, что не будешь. Надеюсь, – рука твоя, наконец, угомонится. Да и урок для других рук будет наглядный.

Помощники палача кладут правую руку вора на чурку, и палач, взяв в руки топор, примеривается. Все затаили дыхание. Парень обреченно смотрит на занесенный топор, все еще не веря в происходящее. Палач опускает свое орудие, и единый выдох вырывается из толпы. Подручные палача отпускают вора, парень вскакивает, сжимая окровавленную кисть другой рукой.

Вор. А-а! О-о! (убегает)

Раздаются крики из толпы. Одни советуют догнать парня и перевязать ему руку, мол, истечет кровью. Другие бросают из недр толпы обвинения шейху и его подручным.

Крики из толпы. Эй! Догоните парня! Он же истечет кровью... Палачи! Звери! Изуверы! И т. п.

Двое мужчин из толпы бегут за парнем.

Шейх. (презрительно) Что вы понимаете! Вы думаете, – это мы наказали вора? Нет, его наказал Аллах нашими руками. И это не изуверство, нет! Это милость Всевышнего. Этот парень лишился кисти, зато он теперь избавлен от бесовского искушения. Он получил наказание и теперь можно надеяться, что Аллах простит его преступления. Ведь он не наказывает человека дважды за одно преступление. А вы – «звери!».

Он поворачивается к кади.

Кади. Это все? Думаю, на сегодня достаточно...

Шейх. Да вы что, уважаемый! Это только начало. КПЗ переполнено, там ноге человеческой ступить некуда от преступников, ждущих суда шариата. Воры и убийцы, насильники и извращенцы разного сорта, грабители и мошенники, проститутки и альфонсы, взяточники и вымогатели, валютчики, процентчики и другие любители легкой наживы, пьяницы и производители спиртного, наркоманы и наркодельцы. Не останови их – они доведут наш народ до скотского состояния. Но пусть никто не сомневается – мы их остановим! Да, придется потрудиться на первых порах. Но я уверен – со временем работы у нас поубавится, а потом, иншалла, настанет время, когда преступления вовсе прекратятся, и вы еще будете изнывать от безделья. Я думаю, что этот день не за горами. А пока, засучим рукава и будем выводить всю эту нечисть, не брезгуя и не ленясь.

Кади. (без особого энтузиазма) Хорошо, я готов. Кто следующий?

Подручные шейха подводят к кади девушку. Почти одновременно с ней подошел и занял свое место имам Аскар.

Кади. В чем ее преступление?

Аскар. Что могло натворить это юное создание? Она же почти ребенок!

Шейх. О имам! Не смотрите, что она выглядит такой невинной овечкой. Вы не знаете, какое чудовище скрывается внутри этого юного создания. Она бросила своего ребенка, оставила новорожденного в роддоме.

Аскар. (не знает, что сказать) М-м...

Кади. А свидетели есть?

Шейх. Есть. Один врач, он мужчина, и две медсестры.

Кади. Свидетелей сюда!

К нему подводят свидетелей.

Кади. (врачу) Вы можете засвидетельствовать, что эта несчастная родила ребенка и отказалась от него?

Врач. Ашхаду – я свидетельствую – она родила и оставила у нас этого ребенка.

Кади. (медсестрам) И вы об этом свидетельствуете?

Медсестры. (обе, одновременно) Да, ашхаду – я свидетельствую, что эта женщина родила и отказалась от своего ребенка.

Кади. Хорошо, вы свободны. (свидетели уходят, а кади поворачивается к женщине) Ты это признаешь?

Женщина. Да, признаю. Но...

Кади. Почему ты так поступила?

Женщина. Я... я... у меня нет мужа. Мой парень обещал жениться, я ему поверила, а он... (смахнув слезу) а он меня бросил. Обещал жениться... вот, я ему и поверила.

Шейх. Мало ли кто может что пообещать! Ведь нельзя ложиться в постель с тем, с кем не связана узами брака. Вот Аллах и наказал тебя. Ну, хорошо, согрешила, забеременела, родила, но почему ты бросила свое дитя?

Женщина. Я испугалась. Думала, что не смогу одна вырастить его. А государство... ведь в детском доме он будет всем обеспечен.

Шейх. Это не оправдание. Оглянись вокруг – что, сейчас такие уж тяжелые времена? Голод? Война? Ты видела хоть одну вдову или разведенную женщину с детьми, которые умирают от голода? Нет. Все сыты, одеты, обуты. Как же ты могла бросить свое беззащитное дитя? Свою кровь и плоть? Как ты ходишь по земле после этого? (женщина молчит, опустив голову, и шейх обращается к кади) Чем она может искупить свою вину?

Кади. Так как она впала в грех прелюбодеяния, не будучи связанной узами брака, то ей полагается восемьдесят ударов плеткой.

Шейх. Правильно. А за то, что она бросила ребенка?

Кади. За то, что бросила ребенка – ещё двадцать плеток. Итого – сто.

Шейх. (подручным и палачу) Выдайте ей сто плеток. Исполняйте приговор.

Аскар. Помилуйте! Ведь она не выдержит ста ударов плеткой! Я требую, учитывая ее юный возраст и то, что она совершила этот проступок впервые, ограничиться пятидесятью ударами. (толпа волнуется и шумит)

Шейх. Уважаемый имам! Вы решил взять на себя функцию адвоката? Разве вы не знаете, что суду шариата не нужен адвокат?

Аскар. Да. Но суду шариата не нужен и прокурор. А вы выступаете здесь, как заправский обвинитель.

Шейх. Нет, имам. Обвинитель здесь один – Всевышний Аллах. Это он обвиняет нас всех в том, что мы развели здесь такой бардак. Я не хочу отвечать на Страшном Суде за чужие преступления и грехи.

Аскар. Давайте оставим полемику, уважаемый шейх. Вас вовек не переспорить. Вернемся к нашему делу. Ведь ответственность за это деяние должен взять и парень, соблазнивший эту несчастную девушку.

Шейх. Да, вы правы. Но его нет в городе. Сделав свое черное дело, он исчез. Небось радуется, что ему все сошло с рук. (обращаясь к толпе) Но пусть он не думает, что останется безнаказанным. Он обманул эту несчастную, но Аллаха он не обманет. Он ушел от суда шариката, но ему вовек не уйти от суда Создателя. Вот тогда и посмотрим, кто будет радоваться, а кто лить кровавые слезы. (помощникам) Так, что стоим? Исполняйте приговор.

Аскар. Но ведь она умрет от ста ударов! (толпа шумит и волнуется)

Шейх. Тихо! Если ей суждено умереть, то, значит, умрет. А если суждено выжить – будет жить. У нее будет шанс начать жизнь, как говорится, с чистого листа.

Женщина. (сопротивляясь подручным, которые уводят ее к столбу) Пощадите! Прошу вас! Вы обрекаете меня на верную смерть.

Шейх. И поделом! Подумай сама – зачем тебе жить? Какой от тебя прок? Если даже своего ребенка, безгрешное, беззащитное дитя ты бросила, отвергла, то чего мы можем ждать от тебя? Для чего тебе копить небо? Ты хоть задумывалась об этом? В нашем обществе нет места таким «кукушкам». (палачу, который уже приковал руки женщины к столбу) Бей, насколько у тебя станет сил! Если устанешь, скажи, я тебя подменю.

Женщина. Стойте, не бейте! Я осознала свою ошибку. Я заберу ребенка, я сама вырасту его. Клянусь!

Шейх. Ишь, чего захотела! Кто теперь его тебе отдаст? Разве мы можем теперь его тебе доверить? Не-ет! Теперь он не твой ребенок. Теперь он наш. В нашей автономии не будет детских домов. Всех сирот мы разберем по домам. Для всех них мы найдем достойных отцов и матерей. Мы вырастим из них настоящих мусульман. (машет палачу рукой) Приступай!

Палач бьет женщину, та вначале кричит, но постепенно крики ее стихают, потом слышатся стенания, тихие стоны, а потом все стихает. По толпе прокатывается ропот. Слышатся требования прекратить избиение, слышатся выкрики: «Душегубы! Палачи!», и т. п.

Шейх. Ах вы, невежды! Кто тут душегуб? Мы? Не-ет! Это она душегуб! Она едва не погубила свою бессмертную душу. А вот мы, – мы тут как раз и занимаемся спасением ее души. И не только ее! Душ тех, кто сейчас смотрит на эту экзекуцию и для которых все это станет хорошим уроком. Теперь вряд ли кто решится на блудодеяние и вряд ли бросит ребенка на произвол судьбы. А если, в угоду вам, мы оставим это преступление без наказания, то число брошенных детей будет продолжать расти. Вы этого хотите?

Палач закончил экзекуцию и окровавленное, бездыханное тело женщины отцепляют от столба и перекладывают на носилки. Толпа шумит и волнуется. И тут из толпы вырвалась Жамал и, приблизившись к шейху, остановилась прямо перед ним. Глаза ее горят, лик ее бледен.

Жамал. Циничный мерзавец! Кровопийца! Что – напился крови?! Как после этого можно называться мусульманином?

Шейх. Замолчи, женщина! (замахивается на нее плеткой, но, опомнившись, опускает руку) Как ты смеешь так говорить с эмиром! Со своим шейхом!

Жамал. Эмир! Шейх! Да ты палач! Кровавый палач! Что ж ты опустил руку? Бей! Засеки насмерть! Тебе же это ничего не стоит! (шейх отворачивается от нее и отходит, и она поворачивается к мужу, который, выйдя из-за стола подошел к ней) И во всем этом виноват ты! В первую очередь виноват ты! Это ты открыл дорогу этим чудовищным преступлениям. И на тебя первого обрушится гнев Аллаха. И можешь считать, что теперь у тебя нет жены. Нет и сына с дочерью. (шейху) Я покидаю этот город. Ты прав, – этот город стал теперь вертепом сатаны. Твоим вертепом. И забираю своих детей.

Шейх. (усмехаясь зло) Пожалуйста! Сейчас вас отвезут в стадион, придется переночевать там, а утром вывезем за город. (одному из своих подручных) Отвезите эту женщину с ее детьми в стадион. (Жамал собирается уходить)

Аскар. Жамал! Стой! Нельзя туда. Стадион заминирован. И никто не вывезет тебя за город. Ни один человек не покинул город. Стадион полон заложниками, их тысячи. Они сидят на минах и могут в любой момент взлететь на воздух.

Жамал. Вот как?! (повернувшись к шейху) А что говорил праведный шейх? «Кто не считает себя мусульманином, кто не желает жить по законам шариата, должен покинуть пределы нашего города. Для этого они должны собраться в стадионе, оттуда их будем вывозить автобусами в областной центр. С собой разрешается взять документы, ценные вещи и деньги, у кого есть автомобиль, тот может выехать на нем, только прежде нужно наведаться в стадион и поставить в известность нашу миграционную службу, которая занимается учетом выезжающего населения». Так вроде выступал праведный шейх по телевидению? Или он нагло лгал? Тогда какой же он после этого мусульманин? Какой же он шейх? Он бессовестный лжец!

Шейх. Нет ничего зазорного в том, чтобы мусульманин обманул кафира.

Жамал. Но этот мусульманин только что пытался обмануть и меня.

Шейх. Ну, значит, вы тоже кафир. Мусульманка не стала бы возмущаться судом шариата и не стала бы оскорблять прилюдно своего шейха.

Жамал. Я не стану кафиром только потому, что так решил лживый шейх. И, если на то пошло, то лучше быть кафиром, чем считаться мусульманкой из его общины. (уходя за подручным шейха, которому было поручено отвезти ее в стадион, вышедшим из толпы Гульнаре и Берикю) Пойдемте, дети. Здесь нам делать нечего.

Аскар. (идет за ними) Жамал! Гульнара! Берик! Стойте!

Жамал. (резко оборачивается и кричит, вытянув вперед руку с растопыренными пальцами) Отстань! Ты теперь нам не нужен! Посмотри на свои руки – они по локоть в крови. Мы не можем жить с кровавым палачом под одной крышей. Прочь! Оставайся со своим вырожденком-шейхом, верши с ним свою сатанинскую расправу!

Имам останавливается как вкопанный. Жамал с детьми уходит. Тут раздается голос муэдзина – он призывает мусульман в мечеть на вечерний намаз. Кади встает, за ним его писарь, и оба уходят, не глядя на шейха. Люди из толпы расходятся. Офицер уводит своих солдат. Боевики тоже покидают площадь по знаку шейха. Шейх подходит к имаму и трогает его за плечо.

Аскар. (словно очнувшись, оглядывается вокруг) А?! Что?! Что это?

Шейх. Это азан, имам. Подошло время вечернего намаза. Идемте в мечеть, уважаемый.

Шейх удаляется уверенным шагом, имам плетется за ним, шатаясь, как пьяный и спотыкаясь. Сцена быстро пустеет и под заунывный голос муэдзина опускается занавес.

Действие четвертое

Центральный стадион. Вечер, наступают сумерки. На футбольном поле сидят и лежат люди. Слышен приглушенный говор, чьи-то проклятия, чьи-то стоны, детский плач. С репродукторов постоянно читают Коран. Чтение не прерывается, то, становясь громче и заглушая все звуки, то вновь утихая. Узники стадиона практически неподвижны, лишь изредка пройдет кто-то, но тут же освещается лучом прожектора и через мегафон раздается требование прекратить движение. В центре сцены лежит Мария. Ее голова покоится на коленях Ларисы. Она бредит.

Мария. (что-то бормочет горячно, а потом вскрикивает, порываясь подняться) Ваня! Ваня! Куда ты? Иди сюда, я здесь! Мы все здесь... А! Вот ты теперь какой. Я и не думала... я бы никогда не подумала, что ты... именно ты... станешь таким. Нет-нет! Я не верю! Я никогда не поверю в это! Ты не такой... нет, ты никогда не был таким... таким, как они. Ты никогда не был бессердечным. Ты никогда не был жестоким. Нет, напротив... ты всегда был добрым... нежным... что же теперь с тобою стало? Что же со всеми вами стало? Ваня! Почему ты молчишь? Скажи же что-нибудь! Ответь мне – что это такое вы сотворили? Что же вы натворили? А?! Ведь это бесчеловечно! О-ох! (откинувшись опять на колени дочери, всхлипывает)

Лариса. (плачет) Мама! Перестань, прошу тебя, перестань, пожалуйста! Его здесь нет.

Мария. А?! Доча, ты? Поддай-ка попить... пить так хочется ужасно. (шарит руками по пуговицам, словно желая расстегнуть жакет) Как здесь жарко! Как солнце палит... так немилосердно. Как хочется пить! Лариса! Поддай мне водички... не надо чаю... не нужно кофе... простой водички из-под крана... да, простой воды из-под крана...

Вдруг в певучее чтение Корана врывается гул самолетных двигателей, и тут же лучи прожекторов взмывают в небо. Забухали скорострельные зенитные установки, застрекотали пулеметы. С неба на парашютиках опускаются мешки с продовольствием, питьевая вода в пластиковых бутылках и медикаменты в аптечках с нарисованными на них красными крестами и полумесяцами. Замелькали листовки. Один парашютик с пластиковыми бутылками опустился возле Ларисы. Девочка откладывает голову матери с колен и хватается за пакет с пластиковыми бутылками. Тем временем какой-то мальчик хватается за стропы парашюта.

Лариса. Мальчик, оставь хоть одну бутылку. Оставь, пожалуйста, для мамы.

Мальчик пытается вытащить одну бутылку из упаковки, но в этот момент подбежали боевики и стали отбирать мешки у заложников. Они в униформах, в руках резиновые дубинки, на поясах – кобуры пистолетов. Боевик с повязкой дежурного на рукаве вырвал стропы из рук мальчика, грубо толкнув его. К нему придвинулись двое парней из числа заложников.

Первый парень. Слушай, дай хоть детям напиться воды. Ты же не изверг!

Дежурный. Я не изверг, но я подчиняюсь приказу! А приказ был – не давать ничего.

Второй парень. Мы не просим у вас ничего. Но эту воду нам сбросили с самолета. Ведь дети страдают!

Дежурный. Я же сказал – не положено! (вытащив пистолет из кобуры) А ну назад!

Первый парень. (видя, что товарищ лезет на рожон, оттаскивает его от боевика) Не надо, ты ничего ему не сделаешь. Он попросту застрелит тебя.

Дежурный. Вот именно! Лучше успокойтесь, парни. Будет приказ – дадим воду, хоть залейтесь. (боевики уходят, унося мешки и упаковки)

Второй парень. Вот сволочи! (оглядывается по сторонам, не зная, что сделать; потом поднимает с земли листовку и читает) Граждане! Соотечественники! К вам обращается ваш президент. Нам известно, в каком положении оказались вы. Мы сейчас делаем все для того, чтобы облегчить ваше положение и все для того, чтобы освободить вас. Но руководители мятежа глухи к нашим призывам и предложениям. Город окружен, он в тройном кольце наших подразделений и ни один боевик не сможет уйти из города незамеченным. От решительных шагов нас удерживает нежелание кровопролития. Мы надеемся, что у мятежников возобладает все-таки разум, и они остановят это безумие. Но мы не будем бесконечно наблюдать за этим безобразием. Скоро, очень скоро мы положим ему конец. А пока мы призываем вас к терпению и выдержке. Мы каждый день будем сбрасывать вам продовольствие, воду и медикаменты. Вы не одни, вся страна, весь наш многонациональный народ с тревогой и надеждой наблюдает за событиями в вашем городе...

Боевики возвращаются, и дежурный вырывает листовку из рук заложника, ударив его резиновой дубинкой, а его подручные собирают листовки, лежащие на земле и находящиеся на руках у других заложников, угрожая пистолетами и дубинками.

Дежурный. (прочитав листовку, рвет на мелкие куски) Все это пустая бравада! Президент бессилен со всеми своими вооруженными силами. Можете не надеяться на него. (боевики уходят, переговариваясь и смеясь)

Мария. (вновь бредит) Ваня! Ванечка! Иди же сюда... почему ты уходишь? Почему не хочешь поговорить со мной? Ты считаешь нас кафирами? Но ведь я твоя мать... или для тебя это уже ничего не значит?

Ее голос заглушает усилившееся чтение Корана. Через некоторое время дежурный вновь возвращается. Он ведет за собой Жамал с дочерью и сыном. Они пораженно глядят по сторонам, на исхудавших людей, на стонущих больных, плачущих детей.

Дежурный. (подойдя к Ларисе) Новиковы – это вы?

Лариса. Да. (замечает Жамал и Гульнару) Тетя Жамал! Гульнара! (не выдержав, она разрыдалась)

Жамал. Лариса! (опускается рядом и прижимает голову девочки к своей груди и гладит по ней) Ну-ну, успокойся. Не плачь. (утирает ей лицо) Что с Марией?

Лариса. (не может успокоиться и говорит, перемежая слова всхлипами) Вот заболела... бредит... зовет Ваню, разговаривает с ним. (смотрит с ненавистью на боевика и тот, кивнув, уходит)

Мария. Лариса, доченька, дай, пожалуйста, воды... дай напиток. Так страшно хочется пить. Ну, пожалуйста!

Лариса. (всхлипывает) Вот, постоянно просит пить... где же я возьму воду?

Жамал. (наклонившись к Марии) Мария! Мария! Ты меня слышишь?

Мария. (приподняв голову) Жамал? Ты?!

Жамал. Да, я... вот и Гульнара с Бериком со мной.

Гульнара. (опустившись на колени) Теть Маша, здравствуйте.

Мария. Здравствуй... Гульнара. Ты... ты не знаешь... где Ваня?

Гульнара. (смутившись, опускает взор) Не знаю. Я его не видела. Он... он теперь такой занятой.

Берик. (сев на колени возле сестры и матери) Здравствуйте, Мария Петровна.

Мария. А... Берик?! И ты... здесь? (повернув лицо к Жамал) Как же так, Жамал?

Жамал. А этот шейх, мусульманин из мусульман, причислил нас к кафирам за то, что я высказала ему в лицо все, что о нем думала. Вот так мы и оказались тут.

Мария. А... Аскар?

Жамал. А что Аскар? Аскар теперь кусает локти, да уж теперь поздно. (трогает больной лоб) Ты заболела?

Мария. Нет... нет, я... просто устала... да, я так устала... я смертельно устала. Мне бы... мне бы отдохнуть... поспать немного. Но... я не могу... так хочется пить... да, так хочется отдохнуть, поспать... а Вани все нет. Где же он? (вновь начав бредить) А! Вот он! (порываясь подняться) Ваня! Ваня! Куда же ты опять? Иди сюда... я здесь... почему ты все время молчишь? Молчишь и проходишь мимо... (бормочет невнятно и горячечно, лишь можно разобрать имя ее сына)

Жамал. (оглядываясь по сторонам) Что же делать, а?

Лариса. (предельно усталым голосом) Даже не знаю...

Жамал. (приподнимаясь) Надо попросить у них воды.

Лариса. Бесполезно. Не дадут. Столько уже просили, даже для детей не дают, даже для кормящих матерей.

Тем временем к ним придвигаются женщины и мужчины, вокруг новоприбывших собирается несколько человек, в большинстве женщины.

Какой-то мужчина. Вы только что из города – как там?

Жамал. Немного лучше, чем здесь. Но там тоже не рай. Сегодня шейх Абдурахман учинил судилище, – одну молодую женщину засекли до смерти, одному парню отрубили руку, двоих девушек высекли, так сказать за нарушение формы одежды, и шейх Абдурахман говорит, что это только начало. Что в КПЗ ногу некуда поставить от преступников, ждущих суда шариата. В городе уже сказывается нехватка продовольствия, все товары первой необходимости отпускаются по специальным карточкам.

Какая-то женщина. (с грудным ребенком на руках) А что в городе говорят о нас? Там хоть знают, что здесь томится столько народу? Что люди, дети умирают? Или считают нас кафирами и думают, что так нам и надо?

Жамал. Да вы что! Вас кафирами считают только шейх и его боевики. Может быть, кто-то и знал правду о вас, а я, например, до сегодняшнего вечера думала, что всех вас давно вывезли из города. А, оказалось, – держат в заложниках. Мой муж сказал намедни... не знаю, стоит ли говорить... но вы же должны знать правду. В общем, тут все заминировано. И шейх в любой момент может взорвать стадион. Вот почему президент и воздерживается от решительных действий.

Женщина. (боязливо оглядывается, прижав к себе ребенка) Значит, мы все тут сидим на взрывчатке?

Жамал. Видимо так. Во всяком случае, так сказал мой муж.

Мужчина. А кто ваш муж?

Жамал. (немного замешкавшись с ответом) Мой муж... он имам городской мечети. Он был посвящен в дела мятежников. Но он не является членом партии Аль Хизб и он против экстремистов.

Мужчина. А ваш муж тоже здесь?

Жамал. Нет, он остался в городе.

Мужчина. В таком случае трудно поверить в то, что он против экстремистов.

Жамал. Нет-нет! Это не так. Просто шейх его использовал... обманул, обманул так же, как он обманывает всех, кто следует за ним. Как вот этих молодчиков. Они ведь не знают, что творят.

Толпа вокруг Жамал увеличилась настолько, что это заметили; на них сосредоточиваются лучи прожекторов, и по мегафону раздается требование разойтись. Люди нехотя возвращаются на свои места, так как к ним уже спешат боевики с дубинками в руках.

Жамал. (поднявшись, громко, чтобы ее услышали все) Люди! Знайте! Стадион заминирован! Мы все здесь заложники. Стадион будет взорван, как только начнется штурм города. Поэтому, нужно что-то делать для своего освобождения. Нельзя сидеть и ждать, когда мы все взлетим на воздух. Да, будут жертвы, кто-то из нас будет застрелен, но это не должно остановить нас. Ведь нам терять нечего, все равно стадион будет взорван, как только президент отдаст приказ штурмовать город. А приказ этот он отдаст! Рано или поздно, он это сделает. Не стоит сидеть и ждать, когда нас уничтожат, как бессловесных овец, которых держат для заклания.

К ней подходят боевики, и она замолкает.

Дежурный. Вы что это – призываете к восстанию? Имейте в виду – по всему периметру стадиона установлены пулеметы, сидят снайпера, и мы откроем огонь на поражение, как только вы попытаетесь что-либо предпринять. И не думайте, что мы дрогнем – таков приказ самого шейха. Так что советую вам сидеть тихо и не подбивать народ на неразумные действия. Что касается того, что стадион якобы заминирован, то это вредная дезинформация.

Жамал. Это не дезинформация. Вам самим стоит задуматься о собственной безопасности, ведь шейх не пощадит и взорвет и вас вместе с нами.

Дежурный. (смеется и к нему присоединяются остальные боевики) Ну-ну! Нафантазируете вы тут. Неужели вы думаете, что мы поверим, будто праведный шейх способен на такое вероломство? Что он готов пожертвовать своими соратниками. Успокойтесь, и вот, поужинайте. (протягивает один термос Жамал, остальные два достаются Гульнаре и Берику) Вот, возьмите, это для вас прислал тот, кого вы подозреваете в вероломстве и способности к злодейству.

Жамал. Кто это?

Дежурный. Вы не догадываетесь? Так знайте – сам шейх заботится о вас, хотя вы пытались осрамить его перед всем народом. Помните о его великодушии и не агитируйте народ против нас.

Жамал. Он что – решил купить нас такой малой ценой? Передайте ему – если он и впрямь такой великодушный, то пусть накормит хотя бы детей и кормящих матерей и позаботится о больных.

Дежурный. Накормит, накормит, как только сочтет нужным. А вы ешьте! Ешьте, мы подождем. Надо забрать термоса.

Тем временем Берик разбирает свой термос и, достав чай, передает Ларисе.

Берик. Лариса, на, выпей чаю.

Лариса делает жадно два-три глотка, но спохватывается и подносит посуду ко рту матери, приподняв другой рукой ее голову. Та никак не реагирует.

Лариса. Мама, на, выпей. Мама! Вот, попей чаю. (плаксиво) Ма-а-ма! Очнись же!

Дежурный вырывает у нее из рук посуду, расплескав чай, и возвращает Берику.

Дежурный. Мальчик, пей сам. Им не положено.

Жамал. (придвигается к Марии с чаем из своего термоса) Мария, на, выпей чаю. (дежурный препятствует, отводит ее руку с чаем)

Дежурный. Я же сказал – им не положено! Пейте сами.

Жамал. Почему? Разве не видишь – она умирает от жажды!

Дежурный. (пожав плечами) Мы подчиняемся приказу. Здесь мы никого не кормим. А этот ужин вам прислал сам шейх. Только для вас и ваших детей. Ешьте быстрее, нам некогда.

Жамал. (выплескивает чай прямо в лицо боевику) Подавись тогда своим ужином! (отбрасывает пинком термос и его подбирает один из боевиков)

Дежурный. (отпрянув, выпрямляется и утирает лицо, потом стряхивает влагу с униформы) Вы что это! Вы что себе позволяете!

Жамал. (поднявшись во весь рост) А вы что себе позволяете?! Устроили тут концлагерь! Или совсем в фашистов превратились?! (боевики тушуются, переглядываясь)

Гульнара. (тоже отодвигает свой, так и не вскрытый, термос) Какой же этот шейх негодяй!

Дежурный. Девушка, не оскорбляйте уважаемого шейха!

Жамал. (продолжает наступать) Будем! Что с нами сделаете? Будете бить? Бейте! Убейте! Но вам не заставить нас молчать. Ваш, так называемый шейх – негодяй и убийца!

Берик также собирает свой термос и ставит его рядом с термосом сестры.

Дежурный. Значит, отказываетесь от ужина?

Жамал. Да! Передай своему шейху, – ему не купить нас. Мы не продаемся.

Дежурный. (уходя вместе с другими боевиками) Ну что ж. Не хотите – не надо. Проголодаетесь – сами попросите.

Боевики уходят, унося термоса. Жамал, Гульнара и Лариса подавленно молчат.

Гульнара. Какие же они изуверы!

Жамал. Они же мусульмане! А их шейх – так вообще правоверный мусульманин, который знает, как можно унижить человека.

Сумерки уже сгустились, наступила ночь. Узники укладываются спать возле лежащей Марии, как могут. Жамал перекладывает подругу на свои ноги, стелет свой жакет и укладывает Ларису и Берика возле себя. Гульнара сидит, полусогнувшись, обняв свои колени и положив на них голову. Постепенно звуки стихают, прожектора гаснут и стадион погружается во мрак. Лишь безостановочно чтение Корана (пауза)

Потом сцена вновь освещается лучом прожектора, но узники неподвижны, они все в том же положении. К ним подходит дежурный боевик, он ведет за собой Ивана.

Дежурный. Новиковы! Вставайте! За вами пришли. (все, кроме Марии, приподнимаются и глядят по сторонам, ослепленные светом прожектора)

Иван. (бросается к матери и сестренке) Мама! Лариса! (тут он замечает Гульнару и Жамал и изумленно останавливается) Гульнара?! Тетя Жамал? А вы что здесь делаете?

Гульнара демонстративно отворачивается. Жамал пристально глядит на него и четко произносит слова, полные сарказма.

Жамал. Что мы здесь делаем? То же, что и твоя мать с твоей сестрой и тысячи горожан. Сидим на минах, мы ведь ваши заложники. Ждем, когда вы отправите нас, кафи́ров, на самое дно ада.

Иван. (кивает ей с виноватым видом и поворачивается к сестре) Лариса, я только сегодня узнал, что вы здесь. (опускается на колени возле матери и наклоняется к ней) Я думал, что вас давно вывезли из города. Мама! (видя, что она без сознания) Лариса, что с ней?

Лариса. (испепеляя его взглядом) Что – не видишь? Она умирает.

Иван. Как – умирает? Почему?

Лариса возмущенно отворачивается.

Жамал. И ты еще спрашиваешь?! Здесь каждый день умирают десятки людей. От голода, от жажды, от нервного стресса. Может, ты скажешь, что ничего об этом не знал? Не знал, что здесь томятся люди?

Иван. (изменившись в лице опускает голову, потом обращается к сестре) Лариса, я приехал за вами. Шейх разрешил мне забрать вас. (пытается поднять мать, чтобы унести, но в этот момент та издает предсмертный хрип, вся вытягивается в агонии и умирает, и парню ничего не остается, как вновь опустить ее на землю)

Лариса. (все поняв издает душераздирающий вопль) Мама! Мама! (хватаясь за мать) Мама, не умирай! Прощу тебя! Мама! А-а-а!

Иван встает, снимает головной убор и растерянно трет вспотевшее лицо и затравленно оглядывается.

Жамал. (наклоняется над телом усопшей, щупает ее пульс, припадает ухом к груди и затем выпрямляется) Мужайся Иван... твоя мама умерла. Отмучилась, бедная.

Лариса плачет навзрыд, упав на грудь матери. Иван вновь опускается на колени возле покойницы.

Иван. Не может быть... нет, она не умерла, она просто потеряла сознание. Лариса, погоди... (прикасается к Ларисе – та кричит, повернувшись к нему)

Лариса. Она умерла! Умерла! И ты ее убил! Ты! Ты ее убил!

Иван. Ты что, Ларис... ты что...

Лариса. Да! Ты ее убил! Ты! Вы все убийцы! Убийцы! А-а...

Иван вновь выпрямляется, не выдержав ее взгляда. Он смотрит на плачущую Гульнару, словно ища поддержки, делает движение в ее сторону, но та отшатывается от него, как от какого-то чудовища.

Гульнара. Нет-нет! Не приближайся! Не подходи! Лариса права – вы все тут убийцы!

Жамал. (Иван смотрит на Жамал с отчаянием на лице) Иван, наверное, тебе лучше уйти.

Иван. (помявшись) Да... да... я уйду. (отходит на пару шагов и вновь возвращается) Лариса, я заберу вас... тебя и... и маму.

Лариса. (вновь подняв лицо) Уйди! Уйди! Я не могу тебя видеть! Я не могу видеть эту форму. (вновь склонившись над телом матери) О-о! Мама моя! Бедная моя мамочка!

Иван. (обращаясь к Жамал) Но ведь я не могу оставить их здесь. Шейх мне разрешил...

Жамал. (зло, перебивая) Вот, поди к своему шейху, раз ты у него в такой чести, и попроси, потребуй, чтобы выпустили всех отсюда! Делай что хочешь – в ногах у него валяйся, за горло возьми – но добейся, чтобы освободили этих людей. Хотя бы женщин и детей. Иди!

Иван смотрит на нее, на Гульнару, на плачущую сестру, на труп матери, потом уходит, опустив голову и еле перебирая ногами.

Действие пятое

Квартира Аскара. Окна наглухо зашторены. За столом, в одиночестве, обхватив руками голову, сидит имам Аскар.

Аскар. (отнимает руки и поднимает голову и говорит в пространство, продолжая вслух свои размышления) Достиг ли шейх своих целей? Да, теперь никто не согрешит. Девушки и женщины будут ходить в приличной одежде. Преступления прекратятся. Но изменил ли он людей? Изменил ли их сознание своими запретами? Да, в сознании этих людей теперь поселился страх. Но, если завтра законы шариата потеряют свою силу, то люди вновь начнут грешить. Женщины и девушки разденутся, проститутки займутся своим ремеслом, воры будут воровать, убийцы – убивать. А ведь их должно удерживать от преступлений вера в Аллаха, должна удерживать совесть. «Не убий! Не прелюбодействуй!» – эти заповеди должны быть укоренены в сознании людей, укоренены в результате воспитания. Но... (имам поворачивается к зрителям) но как у нас поставлено дело воспитания? Почему с каждым годом растет число преступлений? И каких преступлений! Неслыханных, чудовищных! Насилуют, а потом убивают детей! Обманом приучают подростков к наркотикам. Молодежь лишается будущего, еще не начав жить. И люди все глубже погрязают в грехе. Девушки, особо не задумываясь о последствиях, ложатся в постель с малознакомыми мужчинами, а потом идут на аборт или, родив, бросают невинных, беззащитных младенцев на произвол судьбы, как какую-то ненужную вещь. Мужчины соблазняют доверчивых девушек, чтобы только удовлетворить свою похоть. Потом этим двуногим животным и дела нет до своих детей, которые с самого своего рождения несут непомерный груз сиротства при живых родителях. Можно ли пасть ниже этого? Тут поневоле согласишься с шейхом. Он хочет одним махом покончить со всем этим безобразием, вычистить за один прием всю эту грязь. Может быть, он прав? Если его новый порядок сохранится, то с преступностью будет покончено. Может быть и вправду – чем сто раз говорить и убеждать, что воровать нехорошо, лучше один раз отрубить руку? Может быть и вправду – что не доходит через уши, дойдет через ягодицы и спины? Может быть, воспитание действительно только когда применяются розги и плетки? Не зря же говорят: «Даже медведя можно научить молиться при помощи палки»... (пауза) Но ведь мы не медведи. Ведь мы люди! И если прав шейх, то значит, люди ничем не отличаются от медведей? Нет! (имам решительно встает и продолжает говорить, прохаживаясь по комнате) Это ложь! Так нельзя! Лишь верное, горячее, сердечное, искреннее слово способно призвать человека к сознательному отказу от греха и преступления. Это слово должно быть живым, и тот, от кого исходит оно, должен набраться великого терпения, он должен быть готовым к великому труду, к подвижничеству. Только так! Другого пути нет! Потому как мы должны воспитать не примерных, дрессированных медведей, а примерных, сознательных людей. И превращать воспитание людей в дрессировку... это толкать человека к степени животного, обратить прогресс в регресс. Нет, шейх Абдурахман! Я с вами никогда не соглашусь. И я никогда не приму ваши методы...

В этот момент раздается звонок в дверь. Имам останавливается, смотрит в сторону двери с недоумением, потом на его лице появляется выражение радости и надежды и он, думая, что

вернулись жена и дети, идет открывать. Но входит Халел. Его сопровождает помощник, который остается у входа. Он не участвует в разговоре. Время от времени он подходит к окну и выглядывает наружу, осторожно раздвигая пальцами шторы.

Халел. Ассаламу алейкум.

Аскар. (затворяет дверь, удивленно смотря на вошедших) Уа алейкум ассалам.

Помощник. Здравствуйте.

Аскар. Здравствуйте. Проходите. (Халел проходит и садится на стул, на который указал имам; сам имам опускается на другой, жестом приглашает сесть и того, кто остался у двери, но тот отказывается) Что-то не признал вас... вы?..

Халел. Мое имя Халел. Я сотрудник КНБ, командир спецподразделения госбезопасности по нейтрализации мятежа. Это подразделение было заброшено в город по специальному заданию руководства. Мы организовываем сопротивление мятежникам, ведем пропаганду среди офицеров и сержантов. И среди боевиков, членов партии Аль Хизб.

Аскар. Так. Но как вы решились придти ко мне? Ведь меня, наверное, считают соратником шейха Абдурахмана.

Халел. Нет, это не так. О вас отзываются как о честном и добром человеке. Как о здравомыслящем мусульманине, который пытается противодействовать экстремистам. И к тому же... есть важное задание, которое по плечу только вам. Вот поэтому я здесь. (достаёт лист бумаги и подает имаму)

Аскар. Что это?

Халел. Это и есть задание. Задание нашего руководства. Если хотите, задание президента.

Аскар. (читает, затем поднимает глаза к гостю и резким жестом возвращает бумагу Халелу) Нет! Вы что! Я не могу выполнить это задание.

Халел. (с нажимом) Можете. Да, это задание нелегкое. Но, кроме вас никто его не выполнит.

Аскар. (встает и начинает кружиться вокруг стола) О Аллах! Что за времена настали?! Теперь убийство возлагают на мусульманина, на имама. Больше никто на это не способен.

Халел. Простите, уважаемый. Говоря о том, что это задание по плечу только вам, я хотел сказать, что шейх никого, кроме вас к себе не подпускает. После ликвидации полковника Исмаилова он стал таким подозрительным, появляется на публике только после принятия исключительных мер собственной безопасности.

Аскар. (останавливается по другую сторону стола, опершись руками о спинку стула) Так это вы убили полковника!

Халел. Мы не убийцы. Решение о ликвидации полковника и шейха приняло руководство. Мы лишь выполняли приказ. Нам удалось сагитировать некоторых офицеров и сержантов гарнизона. Они теперь сходятся на том, что экстремистов нужно остановить. Но полковник Исмаилов оказался фанатиком, он уперся, и тогда... ну вы теперь сами знаете. Теперь, если удастся ликвидировать шейха Абдурахмана, то ситуация разрешится без большого кровопролития. Командование гарнизоном перейдет к здравомыслящим офицерам, и тогда мы легко справимся с кучкой боевиков. Мы бы и сейчас перешли к решительным действиям, но нас связало по рукам и ногам угроза взрыва стадиона. По нашим сведениям пульт управления взрывными устройствами находится в руках шейха. И никто, кроме него не знает, ни схемы минирования, ни совокупной мощности взрывных устройств. Теперь вы понимаете, что у нас нет другого выхода, кроме как ликвидировать его? Но именно теперь, после ликвидации полковника Исмаилова, шейх перестал показываться на публике. Сейчас он никого не принимает, никто из офицеров гарнизона не знает о его точном местонахождении. Ведь даже городскую

мечеть он теперь посещает редко. И то только после того, как примет исключительные меры собственной безопасности.

Аскар. (возвращается и садится на свое место) Да, шейх теперь совершает намаз в своей персональной намазхане. Но он ссылается на нехватку времени.

Халел. Это отговорка. Он просто прячется от людей. Вот, поэтому мы и решили обратиться к вам. Поверьте, нам это решение далось нелегко. Мы и так думали, и эдак, но ничего другого не смогли придумать. А времени нет. Если мы не ликвидируем его...

Аскар. (поморщившись) Что это за слово! Словно речь идет о ликвидации утиля. Ведь это человек!

Халел. Хорошо. Будем называть вещи своими именами. Да, вам придется убить этого человека. В противном случае, он убьет. И убивает! Каждый день. Кроме той женщины, которую казнили по приговору суда шариата, и тех, кого ждет та же участь, каждый день из стадиона выносят с десяток трупов. Можете верить мне – это точные сведения. Если в ближайшие дни нам не удастся освободить людей, запертых в стадионе, начнется массовая их гибель. Они уже съели всю траву на футбольном поле. Они грызут дерево скамеек. Но сильнее голода их мучает жажда. Ведь они сидят без воды уже неделю! Больше! Сегодня уже пошли девятые сутки! Вы же понимаете, что такое сидеть девять суток без воды. (Халел смотрит на имама, но тот молчит, низко опустив голову) И вот, сегодня я получил по спецсвязи приказ – до пяти часов утра обезвредить взрывные устройства на стадионе. В пять часов начнется штурм города. Президент пойдет на это, даже под угрозой уничтожения стадиона, а значит и всех его узников. Потому что дольше ждать нельзя. Руководство уже убедилось – шейх и его окружение глухо к призывам и уговорам. Вы ведь сами понимаете – так больше продолжаться не может. Штурм состоится в любом случае. Это решено. А как только начнется штурм, шейх тотчас взорвет стадион. И погибнут десять тысяч человек. Вдумайтесь – десять тысяч! Подумайте – что хуже? Убить одного, или десять тысяч? И среди них сотни детей. Вспомните – ведь там и ваши дети.

Аскар. (поднимает лицо – на нем выражение беспредельного страдания) Я об этом помню каждый миг...

Халел. И неужели вы ничего не сделаете ради их спасения?

Аскар. Я постоянно говорю об этом с шейхом. Я прошу его освободить хоть женщин и детей. Я даже требую. Но он не соглашается. Он уперся. Потому что...

Халел. Потому что заложники – это главный козырь шейха. И он никогда не согласится освободить людей. Покуда президент не признает его автономию и не заключит с ним договор. Но президент никогда не пойдет на это. И правильно сделает. Потому что признай он сейчас эту автономию – завтра кто-нибудь учинит мятеж в другом городе и придется признавать другую автономию. Что станет тогда с нашим государством? Нет, у президента нет никакого права признавать автономию шейха Абдурахмана. Нет у него такого права! И тянуть бесконечно со штурмом он также не может. Внимание всего мира сейчас сосредоточено на ситуации в этом городе. Короче, у нас осталось времени до пяти утра. Мы еще можем спасти узников стадиона. **Вы** еще можете спасти!

Аскар. Я все понял. И... я даже готов признать необходимость... у... уб... ликвидации шейха Абдурахмана... да. Но я не смогу... я просто не смогу его убить. Нет, я не могу убить человека, каким бы ни был он, как бы он ни угрожал людям. У меня просто не поднимется рука.

Халел. Поднимется! Если вы будете помнить о смертельной опасности, нависшей над жизнями десяти тысяч человек, то ваша рука не должна дрогнуть.

Аскар. Но я не смогу убить человека. Давайте сделаем так – я еще раз поговорю с шейхом, я попытаюсь уговорить его...

Халел. (рассерженно хлопает по столу ладонью) Имам! Очнитесь же вы наконец! Как вы не поймете – он никогда не освободит их! Если он погибнет, то унесет их вместе с собой в могилу. Теперь слова делу не помогут. Нужно действовать. И действовать должны **вы!** Вы

должны убить шейха и спасти жизни тем десяти тысячам. (достаёт из-за пазухи пистолет) Вот из этого пистолета вы и застрелите его. Здесь патроны с отравленными пулями. Вам достаточно лишь попасть в него, даже легкая рана станет смертельной. Я думаю – вы сможете попасть в него, ведь будете стрелять в упор. А пронести с собой оружие вы сможете без проблем. Ведь вас не будут обыскивать.

Аскар. (с ужасом не отрывает глаз от пистолета, и когда Халел протягивает оружие, отстраняется, выставив руки) Нет-нет! Вы что! Я даже не умею стрелять. И я не смогу застрелить человека. Не то, что человека – собаку не застрелю. Неужели нельзя поручить это дело кому-нибудь другому?

Халел. Застрелите. Этот шейх стал хуже собаки. Другого человека к шейху не допустят. А если и допустят, то тщательно обыщут. А вас, как я знаю, не обыскивают. Ведь так?

Аскар. Так-то так... только я не смогу его застрелить. Я даже не умею обращаться с пистолетом. В армии я не служил... я вообще в первый раз в жизни вижу пистолет.

Халел. Это ничего – я сейчас вас научу. Это очень просто. Вот этот рычажок – предохранитель. Вы снимете его вот таким легким движением этого пальца. Затвор уже взведен и теперь пистолет готов к выстрелу. Стоит навести его на цель и нажать на курок. Вот так. (имам зажимает уши, думая, что пистолет выстрелит, но раздаётся лишь шелчок) Нет, сейчас пистолет не заряжен. (достаёт из кармана обойму с патронами, вставляет в магазин и передегивает затвор) Вот теперь он готов по-настоящему. (ставит пистолет на предохранитель) Вы только спрячьте его во внутренний карман. У вас есть внутренний карман? (пододвигает пистолет по столу к имаму)

Аскар. (не притрагивается к оружию) Хорошо, допустим, шейх будет убит. Но ведь тогда управление этими взрывными устройствами перейдет к кому-нибудь из его соратников. Это не выход. Нужно придумать что-либо другое.

Халел. Мы предполагаем, что пульт управления минами активизируется при помощи особого кода. Это распространенная практика. И код этот должен знать только шейх. Не может быть, чтобы такое важное дело он мог доверить кому-нибудь другому. Так что, устранив шейха, мы устраним и угрозу взрыва стадиона. Во всяком случае, ничего иного не придумать. Ну что, вы готовы?

Аскар. (с предосторожностями берет пистолет и вертит в руках, не зная, что с ним делать) Я... я не уверен... по-моему, я никогда не смогу произвести выстрел.

Халел. (встав со своего места и подойдя к имаму) Сможете! Смелее, имам! Скажите себе, что вы идете в бой за тех людей, томящихся в стадионе, за вашу жену и детей. (поправляет оружие в руках имама и направляет ствол в угол) Держите пистолет одной рукой, видите – он легкий. Вот так наводите... держите крепче! Вот так снимайте с предохранителя. А вот так нажимайте на спусковой крючок. Нажимайте, нажимайте! Не бойтесь – пуля не способна пробить наружную стену. И звука выстрела не бойтесь. Этот пистолет почти бесшумен.

Имам нажимает на курок, пистолет издает свистящий шлепок.

Аскар. И все? Он выстрелил?

Халел. Да. Ставьте на предохранитель. Да, так. Вот видите, вы уже все усвоили. Теперь звоните шейху и условьтесь о встрече. Скажите, что у вас срочное дело. Дело, не требующее отлагательств. Скажите, что вам стало кое-что известно. Я знаю – он вам не откажет. А после того, как выполните задание, постарайтесь быстрее покинуть помещение. В случае чего не теряйтесь, защищайтесь, помните, что у вас в руках есть пистолет. Конечно, определенный риск есть... и вы, конечно, понимаете, на что идете. Но вряд ли мы можем думать о собственной безопасности в то время, когда под угрозой жизни тысяч наших горожан.

Аскар. Да, конечно, собственная безопасность меня волнует в последнюю очередь... (достаёт свободной рукой мобильник, но тут раздаётся звонок в дверь и они переглядываются)

Халел. (шепотом) Кто это может быть?

Аскар. (тоже шепотом) Не знаю.

Халел. Вы никого не ждете?

Аскар. Н-нет... никого, кроме жены и детей. Но они в стадионе и вряд ли их оттуда выпустят.

Халел. (направляется в соседнюю комнату, знаком подзывает помощника) Идите, открывайте. Мы спрячемся за этой дверью. (видя, что имам направляется к двери с пистолетом в руках, жестами показывает, чтобы он спрятал оружие)

Аскар. А! (сует оружие за пазуху, потом открывает дверь – на пороге стоит Иван)

Иван. (печально) Ассаламу алейкум.

Аскар. Уа алейкум ассалам. (наступает пауза, во время которой имам растерянно смотрит на Ивана. Но потом он спохватывается и, посторонившись, пропускает гостя в комнату и закрывает за ним дверь, выглянув в коридор) Что ж мы стоим? Проходи.

Иван. (пройдя к столу остается стоять в нерешительности) Я... Асеке, простите, что я так поздно. Но...

Аскар. Садись, Ваня. Садись. (усаживает его, надавив на плечо) Что с тобой? На тебе лица нет. Что-то случилось?

Иван. (садится на краешек стула) Да... случилось. Мама... умерла.

Аскар. Мама? Какая... что ты говоришь, Иван?!

Иван. Моя мама умерла. Я был сегодня в стадионе. Там... там... это концлагерь, Асеке. Люди до того исхудали, что не в состоянии ходить. Дети плачут, просят есть и пить. Я хотел забрать маму... и Ларису. Я ведь не знал, что они там. Я думал – они давно выехали отсюда. Шейх говорил, что в стадионе собраны одни кафиры. Ну и... но я никогда не считал своих кафирами. И я не думал, что люди там содержатся в таких ужасных условиях. Ладно, пусть они кафиры... но ведь там есть и дети. Ведь их нельзя считать кафирами. Ведь вы так нас учили? (смотрит на имама, ожидая от него ответа, но тот молчит) И потом... я там встретил тетю Жамал. И Гульнару... и Берика. Я совсем не ожидал их там увидеть. И... и если их считать кафирами, то кто же тогда мусульманин? Я ничего не понимаю. (он вновь смотрит на имама, но тот по-прежнему молчит) Я испросил у шейха разрешения забрать маму и Ларису. Но мама... мама умерла... умерла прямо у меня на руках. А Лариса... Лариса сказала... что это я ее убил. Бросила мне прямо в лицо это обвинение. Вот так. И... и я думаю, что это так и есть.

Аскар. Нет, Ваня, это не так. Ты ее не убивал. И ты ни в чем не виноват.

Иван. Нет, виноват! И тетя Жамал так думает, и... и Гульнара тоже. Она не захотела даже разговаривать со мной. Они смотрели на меня так, словно я... словно я какое-то... какое-то чудовище. Казалось, что они презирают... нет! Не то слово – они брезгуют мной. Словно я какой-то чумной. Я был в шоке. Там весь газон, вся трава объедена. Как будто там пасся скот. Разве закон шариата велит превращать людей в скот? А? Я ничего не понимаю, Асеке. Что вы скажете? Почему вы молчите?

Аскар. (поднимает глаза и тяжело вздыхает) Эх, Ваня, Ваня! Мы с тобой жестоко обманулись. Да, тебе простительно – ведь ты еще так молод. Но я, я! Как же я дал обмануть себя?! Да, ты прав – закон шариата не велит превращать человека в скотину. Наоборот, он должен звать к человечности, к добру. И ты правильно думаешь – там, в стадионе не все кафиры. Так же, как и те, кто как и ты одет в униформу, не все мусульмане. Хотя они и бьют себя в грудь. И эти кафиры – самые опасные кафиры. Они настоящие слуги дьявола, слуги шайтана. Ведь шайтан подчас рядится в белые одежды праведников. Чтобы обмануть таких, как мы с тобой, чтобы сбить с пути легковерных. О-о! Его проклятый ум, его дьявольские способности намного превышают ум и способности людей, и поэтому ему удается так легко сбить

людей с пути и толкнуть к злу, к насилию. И нам самим никогда не справиться с ним. Только в обращении к Аллаху мы еще можем оберечься от его чар. Вот и шейх... он уверен, что действует от имени Аллаха, не подозревая, что давно стал орудием в руках шайтана. Это я уже понял, в этом я успел убедиться. У меня теперь открылись глаза.

Иван. И у меня тоже. Но что нам делать? Что мне делать? Что вы посоветуете? Ведь нужно, в первую очередь спасти тех людей в стадионе.

Халел. (решительно входит в комнату, и Иван вскакивает с места, вздрогнув от неожиданности) Не бойся, братишка! Я друг имама.

Аскар. Да, он... можешь считать его нашим другом.

Иван. (протягивает руку Халелу) Ассаламу алейкум.

Халел. (жмет руку) Уа алейкум ассалам. Я все слышал. Прими мои соболезнования, Иван. И сядь, сядь! Есть разговор. (они оба садятся, помощник Халела занимает свой пост у двери) Мое имя Халел. Я сотрудник КНБ. Ты не одинок – теперь у многих обманутых прозрели глаза. И теперь каждый из них задается этими вопросами и ищет пути выхода из создавшейся ситуации. Я возглавляю спецподразделение КНБ, перед которой поставлена задача нейтрализовать мятеж. Но одно обстоятельство не дает перейти к решительным действиям. Ты знаешь о том, что стадион заминирован?

Иван. Сегодня я был там и дежурный караульный сказал, что тетя Жамал... это жена дяди Аскара, так вот она сказала, что стадион заминирован. Но никто в это не поверил.

Халел. Это правда, Иван. Придется поверить. Никому неизвестно количество мин. Возможно, их сотни. Известно только то, что пульт привода этих взрывных устройств находится в руках шейха Абдурахмана. В таких условиях только обезвредив пульт, мы сможем предотвратить взрыв, спасти заложников стадиона. Иными словами, только ликвидировав шейха. Правда, есть еще одна теоретическая возможность спасти людей – это вывести их из стадиона. Вывести незаметно для шейха. Вы понимаете, что это почти нереально. Но в данных условиях мы не можем пренебречь даже малейшей возможностью спасти людей. Поэтому, Иван, нужно прощупать караульных стадиона, может быть, мы сможем с твоей помощью нейтрализовать их или убедить освободить заложников. У тебя есть друзья среди караульных? Таких, которые способны самостоятельно мыслить?

Иван. (немного подумав) Я думаю, есть. Можно попытаться...

Халел. Ну, тогда идем. Пусть уважаемый имам побудет один, подумает, поразмышляет...

Халел с помощником и Иван уходят, имам провожает их до двери и запирается. Возвращается к столу, вновь садится, вынимает пистолет и в задумчивости крутит его в руках.

Аскар. Итак, теперь я палач... я должен им стать. Теперь я должен убить человека. Да... другого выхода нет. Да, по всему это так. (пауза) А если... если это все-таки не так? Если еще можно уговорить шейха? И тогда... нет... да, нужно еще раз поговорить с ним, постараться убедить его освободить заложников стадиона. Убедить сложить оружие и сдать. Да, нужно в последний раз поговорить с ним. И если... если ничего не получится... если не получится... тогда... тогда... хм... но, (решительно поднимается) нет, должно получиться! Я должен убедить его, убедить, я должен убедить!

Достаёт мобильник и начинает набирать номер шейха, но в этот момент раздаётся звонок в дверь.

Аскар. (кладёт мобильник на стол, потом прячет пистолет и идет открывать; входит Иван) Ваня?! Что случилось? (затворяет дверь, не отрывая взгляда от Ивана) Ты... почему вернулся? Где Халел?

Иван. Асеке, я на секунду. Халел ждет меня внизу, под лестницей. (сбивчиво) Я... я ведь пришел к вам... я ведь хотел сказать вам... хотел сказать об очень важном... да, очень важном для меня. И... для... для Гульнары...

Аскар. Для Гульнары? Что с ней? Она здорова?

Иван. Нет... то есть да. С ней все нормально... то есть, я хотел сказать, что она жива и здорова. Дело не в ней, дело во мне. Вы ничего не знали... мы с Гульнарой любим друг друга... вернее, любили... нет, я ее люблю до сих пор. Только теперь она меня... не то, что не любит, она меня презирает. Они все меня теперь презирают. И Гульнара, и тетя Жамал, и... а Лариса... она теперь меня ненавидит. Вот. А ведь я хотел только стать вашим зятем. Я хотел просить у вас руки Гульнары. А для этого, как она тогда сказала, мне нужно было принять ислам. И теперь...

Аскар. (пораженно поворачивается к парню всем корпусом) Ты! Ты принял ислам только затем, чтобы просить руки Гульнары?! Не может быть!

Иван. (опускает голову и молча кивает) Да, Асеке, наверное это было мальчишеством. Глупым мальчишеством. (поднимает голову) Но, вы не должны думать плохо обо мне. Я и раньше думал об этом... я и раньше считал, что мусульмане – это самые лучшие люди, одни из самых лучших, добрых, справедливых и честных людей. Ведь я с детства помню ваши рассказы о великих праведниках, о пророке Мухаммеде, о его славных сподвижниках. И меня с детства вдохновлял ваш пример, ведь я знал, я видел, что вы самый правильный и честный человек, самый примерный мусульманин. И поэтому, когда Гульнара заговорила о принятии ислама, то у меня не возникло никаких сомнений. И все было бы хорошо, не пояись вдруг этот шейх. Он... не знаю, как он смог убедить меня вступить в его партию. Я этого не понимаю! Он попросту очаровал меня... да что меня! Он очаровал всех нас – молодых мусульман. И вот...

Аскар. (отвернув лицо, тяжело вздыхает) Не вини себя, Ваня, он не только тебя очаровал.

Иван. Да, наравне со мной за ним пошли много молодых мусульман. Ну и, с другой стороны, мы все время видели вас рядом с ним и тут уж рассеялись последние сомнения.

Аскар. (вновь тяжело вздыхает) Да, теперь я понял, почему он так прицепился ко мне.

В этот момент раздается звонок в дверь. Имам машинально тянется к замку, но Иван наклоняется к глазку и удерживает руку имама.

Иван. (шепотом, пятясь от двери) Асеке, погодите. Там... там шейх. Шейх Абдурахман.

Имам наклоняется к глазку, отрывается от него и знаками приказывает Ивану скрыться в комнате, где наемдни прятался Халел со своим помощником. Иван скрывается, и имам отворяет дверь. Все это время звонок звонит не переставая. На пороге стоит шейх Абдурахман. Он закутан в балахон с капюшоном.

Шейх. (откидывая капюшон) Ассаламу алейкум. Разрешите?

Аскар. Уа аляйкум ассалам. Да, да, проходите. (ведет шейха к столу, в замешательстве забыв затворить дверь и она остается приоткрытой)

Шейх. Асеке, простите за столь позднее вторжение. Но есть важный разговор. Очень важный. (взглянув в лицо имаму) Что с вами, Асеке? Вы больны? У вас такое лицо...

Аскар. Я? Н-нет... я не болен. Просто... просто я не ожидал вас здесь увидеть. Здесь и сейчас. Хотя и я хотел с вами встретиться. И у меня есть к вам важный разговор.

Шейх. Дело в том, что я хотел встретиться с вами, но я не мог пригласить вас к себе. Я хотел поговорить с вами наедине, без свидетелей. Вы ведь знаете – я никогда не могу остаться один. Эти мои сподвижники... и телохранители... они ни на минуту не оставляют меня... ну, и... в общем, я здесь. И я рад, что застал вас дома, и вы еще не успели отойти ко сну.

Аскар. Какой уж теперь сон! Теперь ни сон не идет, ни пища, ни питье.

Шейх. Я вас понимаю, Асеке. И хочу попросить у вас прощения. Ну, за то, что заключил вашу жену и детей в стадионе. Видит Аллах, я не хотел этого делать. Но ведь ваша жена не оставила мне другого выхода. Ведь она таки настояла на том, чтобы ее отвезли туда. Я уж и не говорю о том, что она оскорбила меня прилюдно. А ведь я все-таки шейх! Эмир! Ну и... я подумал, пусть побудет там денек – другой, поостынет... немного. Я распорядился накормить их, но они отказались от пищи. Я уже отдал приказ освободить их, и скоро ваши домашние должны вернуться домой. Если только... они этого захотят. У вас есть родственники в городе?

Аскар. Нет. Но они могут пойти к знакомым. Если только вы их освободите...

Шейх. Освободим, освободим! Вот и Иван Новиков обратился ко мне с просьбой забрать из стадиона мать и сестренку. И я дал ему разрешение. Только мне доложили, что его мать умерла. А сестренка его отказалась с ним разговаривать. Теперь, очевидно, она покинет стадион вместе с вашими. Так что не переживайте – ваша жена и дети уже должны выйти на свободу.

Аскар. Я ведь не только за них переживаю, шейх. Я думаю о судьбе всех заложников, всех жителей нашего города. Вы, должно быть, убедились – из вашего эксперимента ничего не вышло. Поэтому самое лучшее для вас – сложить оружие и сдаться властям. Это единственный выход. Подумайте, – еще не поздно. Да, наверное, вас будут судить. Но, я думаю, суд проявит к вам снисхождение, ведь вы добровольно сдадите оружие. И я обещаю свое содействие. Уж не знаю, буду ли я иметь какой-нибудь вес. Возможно, что и я окажусь вместе с вами на скамье подсудимых. Да, вернее всего это так и будет.

Шейх. (на его губах появляется злая усмешка) А не рано ли мы с вами оказались на скамье подсудимых? А имам? Я не нуждаюсь ни в чем содействии и ни в чем снисхождении. Я не считаю себя виноватым. И вы знаете, что я не признаю никакого суда, кроме шариатского. А перед Аллахом я чист. И я не собираюсь складывать оружие. Нет! Я не согласен с тем, что из моего эксперимента ничего не вышло. Город наш стал намного чище. Мы уже начали избавляться от преступников всех мастей, люди перестали грешить и приобщились к намазу. Теперь можно без опаски ходить по улицам. И не только по ночам. Женщины и девушки не щеголяют обнаженными прелестями. Все вежливы и корректны друг с другом. Я покончил с алкоголем и наркотиками, теперь никто не смеет травить, ни себя, ни других. Предприятия начали работать, торговля пошла. И заметьте – никто никого не обвешивает, никто никого не обсчитывает. Банкиры не обируют людей, а налаживают с клиентами нормальные, человеческие отношения. Никто не дает, и не получает взятки. Справедливость, наконец, восторжествовала. Чего же вам еще нужно?! (шейх смотрит на имама, думая, что тот скажет что-нибудь, но тот молчит) Да, возможно, мы обречены. Но это ничего не значит. Все равно, рано или поздно, люди примут закон шариата. Они сделают это, они придут к шариату. Если только не захотят погибнуть совершенно. Если Аллах окончательно не лишит их разума, и они не превратятся в безнадежных вырожденков, в животных, в скот. А я... я пионер, первопроходец. И я верю в то, что у меня будут последователи. Будут! Они пойдут по моему следу, они пойдут дальше меня. Человечество встанет, наконец, на прямой и праведный путь, заповеданный Аллахом, иншалла, это произойдет! Я в это свято верю.

Аскар. Я не говорю о том, что у шариата, у ислама нет будущего. Иншалла, человечество встанет на прямой путь. Только у этого пути нет ничего общего с той опасной тропой, которую проложили вы со своими сподвижниками. Это тропа зла, войны, и она ведет не вперед, в светлое будущее, а назад, в дремучее прошлое. В этом я убежден, в этом мы уже смогли убедиться. Все ваши достижения, все, о чем вы сейчас говорили – эти достижения иллюзорны. Потому что эти достижения основаны на страхе. Отмените вы завтра ваш новый порядок, отмените закон шариата, снимите запреты – и все вновь возвратится на круги своя. Потому что вы не изменили людей, вы их не перевоспитали. Нет! Вы лишь нагнали на них страх. Вы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.